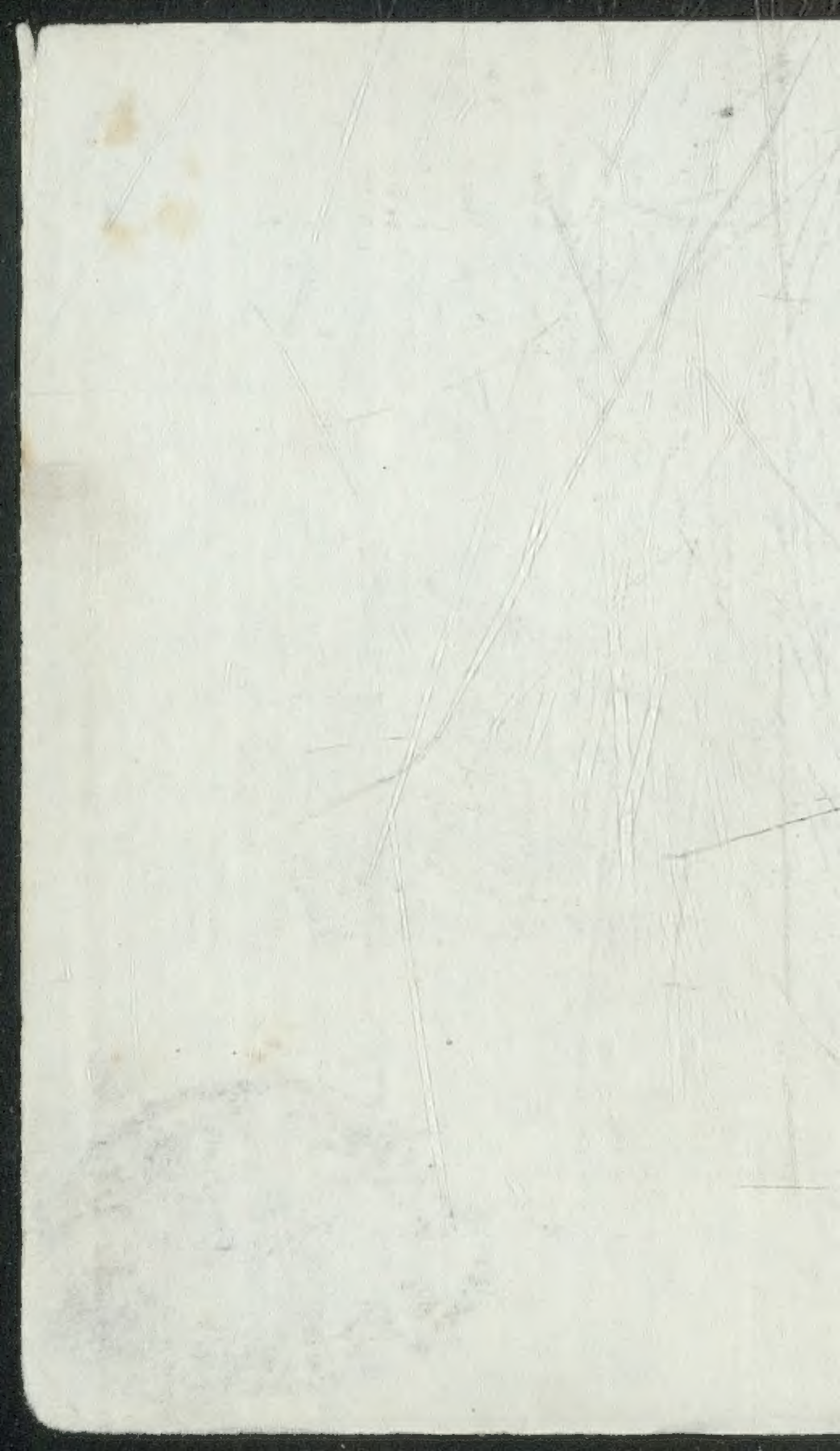
Библиотечка пионера

Клятва юных

Детгиз 1945

КЛЯТВА ЮНЫХ

РАССКАЗЫ

Государственное Издательство Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1945 Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Рисунки
Р. ГЕРШАНИКА

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Отв. редактор *Е. Бобрышева.* Тех. ред. *Г. Левина.*
Подписано к печати 18/VII 1945 г. 3 печ. л. (3 уч.-изд. л.).
41 000 зн. в п. л. А16314. Тираж 30 000. Зак. № 6377.
Цена 2 р. 20 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49.

В. Каверин

КЛЯТВА ЮНЫХ

«Мы встречались всегда неожиданно, — сказал мой друг капитан-лейтенант. — В нем самом было что-то неожиданное, быстрое, меняющееся ежеминутно. Я как-то сказал ему, что он похож на детский калейдоскоп — повернешь, и разноцветные стеклышки вдруг ложатся в новое сочетание. Каждый день он начинал жизнь сначала. По утрам он будил меня, подражая охотничьему рогу. Вечерняя прогулка была для него путешествием в далекий неведомый край. Он был бескорыстен, обидчив и смел, и все вместе было рыцарским и мальчишеским одновременно. И в самой внешности его эти черты были заметны с первого взгляда. Высокого роста, голубоглазый, с широким добрым лицом, он в любом обществе легко становился главным человеком, и не потому, что блистал остро-

умием, а потому, что нельзя было оставаться равнодушным к его детской любознательности, к его быстрому доброму вниманию.

Он приезжал ко мне и уже на другой день бродил по берегу, окруженный толпой мальчишек. Он ездил с ними на рыбную ловлю, устраивал экспедиции за редкими камнями. Он рассказывал им множество историй, и самая обыкновенная жизнь всегда получалась в этих историях удивительной, странной, чудесной.

Я помню, как он однажды сказал маленькому чистильщику сапог в Феодосии:

— Ты будешь адмиралом.

И как худенький, запачканный ваксой мальчик вдруг положил щетки на землю и поднял на него огромные черные, вдруг загоревшиеся глаза.

В той же Феодосии он предложил школьникам организовать команду помощи семьям красноармейцев. И это было великолепно слаженной игрой, с тайными паролями, с товарищескими судами, игрой, за которой чувствовалось серьезное, высокое отношение к жизни. Впрочем, он говорил, что эту мысль подал им Ким. У него был сын, которого звали Ким и который был главным героем его историй. О Киме и его команде Г. впоследствии написал книгу. Кстати, я забыл сказать вам, что он был писателем и довольно известным».

Давно уже я догадался, о ком рассказывает мне капитан-лейтенант. Я любил Г., но знал его очень мало. Он отправился на фронт военным корреспондентом и пропал без вести в начале 1942 года. Понятно, с каким волнением я слушал рассказ капитан-лейтенанта.

«Но вот началась война, — продолжал он, — и я потерял Г. из виду. Мы дрались под Гомелем, под Киевом, под Москвой. Весной 1942 года небольшая группа моряков под моей командой была заброшена в глубокий тыл, и десять дней мы провели в лесах, готовясь к захвату немецкого аэродрома. Командование отложило операцию. Наши запасы кончились, и пришлось выйти на поиски продовольствия.

В красноармейской гимнастерке, злой и усталый, я залег в полукилометре от небольшого селения. Немцы ходили по дворам. Я видел, как они гнали по улице барана, жирного барана, который жалобно кричал, догадываясь, что его сейчас зажарят. Барана, будь ты проклят! — это и был мой план — пригнать в отряд барана. Кстати, все это происходило накануне 1 Мая, и нам досмерти хотелось отметить праздник приличным мясным обедом.

Прошло часа два, и на пыльной проселочной дороге, круто завернувшей к селу, я увидел мальчика лет шестнадцати, который ехал верхом на маленькой гнедой лошаденке. Он

свернул в лес, прошел немного, ведя лошаденку в поводу, и остановился совсем близко от меня на опушке, прикрытой с дороги густой стеной старых елей.

Он свистнул прерывисто, нежно, подражая какой-то птице, и другой мальчик, поменьше, в мохнатой кепке, скатился откуда-то сверху и вытянулся, поднеся руку к козырьку.

Я не слышал, что он сказал ему. Но это был рапорт — вот что меня поразило. Как настоящий командир, первый выслушал его и, отдав честь, пожал руку. Потом предложил сесть, и они устроились на пеньках, разговаривая о чем-то серьезном сдержанными голосами.

— Ребята, — сказал я негромко, — эй, ребята!

Они обернулись, и тот, что поменьше, мигом исчез в кустах. Справа от меня чуть шевельнулись елочки. Он был уже там, по всем правилам военной науки обойдя меня с фланга.

— Поговорим, — сказал я первому.

Он подошел. Это был рыжий, широкоскулый мальчик, неуклюжий, с медленными движениями.

— Ты из этой деревни?

— Да, — спокойно отвечал он. — А ты кто, дяденька?

— Красноармеец. К своим пробираюсь.

Он промолчал.

Мальчик вытянулся, поднеся руку к козырьку.

— Ну, ладно. А что тебе надо?
— Хлеба.
Он помолчал.
— А это в лесу — тоже ваши?
— Хорошая разведка, — отвечал я. — Да, тоже наши.
— Ладно, дяденька, пошли.
— Куда?
— Не бойся, дяденька, — возразил он и усмехнулся, — за хлебом.
Второй мальчик присоединился к нам, и, пройдя болотце, мы скрылись в диком старом лесу. Лес этот был завален буреломом, под огромными елями было почти темно.
Я ступил на лежащую толстую ель, и нога до колена ушла в гнилую сердцевину.
Дорогой раза два нам попались мальчики, примерно такого же возраста, как мой рыжий предводитель. Шопотом он сказал им несколько слов, вытянувшись по-военному; они выслушали его и пошли за нами.
Наконец мы остановились. Рыжий мальчик исчез в груде бурелома, образовавшего нечто вроде пещеры, и минуту спустя я как будто из-под земли услышал его громкий голос, а еще через минуту из «пещеры» показался Г.
— Леон Константинович! — сказал он громко, всей грудью, во весь голос. — Милый друг!
Да, это был он, изменившийся, похудевший,

но с тем же добрым мальчишеским блеском в глазах...

Не помню, о чем мы говорили в первую минуту встречи. Он спрашивал, я не успевал отвечать.

— Да ты же голоден, чорт возьми! — сказал он. — Саша, тащи барана, живо!

И рыжий мальчик исчез, а через несколько минут передо мной появились жирная баранья нога и хлеб — сколько угодно хлеба.

Вот как Г. оказался в далеком немецком тылу.

В самом начале войны он был в Пинской флотилии. В конце июля 1941 года моряки перетащили вооружение на берег, положили пушки на машины, пулеметы на лошадей и, обнажив головы, потопили суда.

С отрядом морской пехоты Г. прошел около тысячи километров, и «за три месяца тяжелого похода, — сказал он, — не было ни одного дня, когда бы мы не наступали».

Поздней осенью отряд получил приказание вернуться к своим, и Г. попросил разрешения остаться.

— С партизанами, — объяснил он смеясь, — с особым отрядом имени Кима.

Это был тайный союз мальчиков в округе против немцев, ворвавшихся в их дома и школы. Они видели все, эти мальчики. У одного была зарезана на глазах мать, у другого брат с доской на груди висел на городской пло-

щади, третий бежал из родной деревни, всадив нож в глотку немецкого солдата. Многие в свое время входили в местную команду помощи семьям красноармейцев. Теперь перед ними были другие задачи. Они подрывали мосты, закладывали на дорогах мины, они подпиливали телеграфные столбы. Отличные разведчики, они вели наблюдение за движением немецких эшелонов. Они обеспечивали связь между партизанскими отрядами и разрывали ее между немецкими частями.

И Г. с его великим романтическим вкусом ко всему необыкновенному в жизни командовал этими маленькими солдатами, которые его обожали.

Я остался в отряде имени Кима до утра. А утром — это было 1 мая — я был свидетелем картины, которая поразила меня и запомнилась навсегда.

На поляне, широко освещенной солнцем, стояли мальчики, кто в сапогах, а кто и босиком, но в безукоризненном воинском строю. Послышалась команда «смирно», — ее отдал рыжий Саша, который ради торжественного дня был одет в серый, широкий, должно быть отцовский, пиджак, украшенный красной лентой, — и Г. вышел на поляну. Двое ребят несли за ним знамя, выцветшее и измятое — настоящее боевое знамя.

Подтянутый и серьезный, но с веселым блеском в глазах, Г. поздравил отряд с празд-

ником 1 Мая. Я был уверен, что сейчас услышу торжественное обещание, которое дают ребята, получая пионерский галстук. Но слова воинской клятвы вдруг прозвучали перед строем, сдержанно отдаваясь в глубине старого леса.

— Я, гражданин Советского Союза, — негромко говорил Г., и мальчики, бледные от восторга и волнения, повторяли за ним:

— Я, гражданин Советского Союза...

— Торжественно клянусь... — говорил Г.

— Торжественно клянусь...

Юные бойцы, они опустились на одно колено, произнося скупые слова партизанской клятвы. Готовые к черному, суровому труду войны, они клялись сражаться с достоинством и честью, мужественно и умело.

У меня в горле перехватило. Стыдно признаться — слезы невольно подступили к глазам.

— Ну и ребята, ну и ребята! — повторял я шопотом. — Ну и ребята...

Г. отпустил мальчиков, и мы остались одни.

— На-днях я рассказал им, — сказал он, — что немцы распилили и увезли из Петергофа статую Самсона, и ты бы видел, с какими лицами они слушали меня. Ты прав, это наше будущее. Кто, если не эти мальчики, будет строить новые города, сажать леса, подымать опустевшие земли? Вернется Самсон, а если

немцы переплавили его на снаряды, эти мальчики отольют нового Самсона, и он так же будет блистать на солнце, подымая тост за здоровье нового поколения, которое ничего не уступило духу смерти без ожесточенной борьбы. Ты скажешь, это романтика, поэзия! Ну что ж, я старый романтик, а поэзия — на вооружении в отряде имени Кима. Кстати, зайди к нему, когда ты будешь в Москве...

В полдень я вернулся к своим, и праздник 1 Мая был отмечен великолепным обедом. Мальчики не только притащили нам целого барана, но и зажарили по-своему, с чесноком и луком.

Мы просидели в Брянских лесах еще неделю. Нужно сказать, что для немцев это были самые спокойные дни. Прекратились почти налеты на немецкие обозы, минирование дорог, убийства часовых. Это было сделано по моей просьбе — я боялся, что действия партизан привлекут к нам внимание немцев.

Но разведка — тщательная, подробная — продолжалась, и в этом деле неоценимую помощь оказал нам отряд имени Кима.

Наконец приказ был получен. Не стану подробно рассказывать о захвате Н-ского аэродрома, в свое время об этом писали в газетах. Скажу только, что, вернувшись, я имел счастье доложить, что тридцать восемь фашистских машин больше никогда не будут бомбить наши города и села.

В Москве я позвонил Киму, и высокий, румяный юноша в форме курсанта военно-морского училища явился ко мне и, отдав на пороге честь, сказал:

— Товарищ капитан-лейтенант, явился по вашему приказанию.

Я рассказал ему об отце, передал привет, и он выслушал меня, держась прямо и глядя прямо в лицо решительными и мечтательными глазами.

— Отряд имени Кима? — немного покраснев, переспросил он. — Значит, отец уверен, что из меня выйдет толк. Ну что ж, я постараюсь не обмануть его ожиданий...»

Б. Лавренев

БОЛЬШОЕ СЕРДЦЕ

Он стоял перед капитаном — курносый, скуластый, в куцем пальтишке с рыжим воротником из шерстяного бобрика. Его круглый носик побагровел от студеного степного суховея. Обшелушенные, посинелые губы дрожали, но темные глаза пристально и почти строго были устремлены в глаза капитана.

Он не обращал внимания на краснофлотцев, которые, любопытствуя, обступили его, необычного тринадцатилетнего посетителя ба-

тарей — этого сурового мира взрослых, опаленных порохом людей. Обут он был не по погоде: в серые парусиновые туфли, протертые на носках, и все время переминался с ноги на ногу, пока капитан разбирал препроводительную записку, принесенную из штаба участка связным краснофлотцем, приведшим мальчика:

«...был задержан утром у переднего края... по его показаниям, он в течение двух недель наблюдал за немецкими силами в районе совхоза «Новый путь»... направляется к вам как могущий быть полезным для батареи...»

Капитан сложил записку и сунул ее за борт полушубка. Мальчик продолжал спокойно смотреть на него.

— Как тебя зовут?

Мальчик выпрямился, вскинув подбородок, и попытался щелкнуть каблуками, но лицо его свело болью, он испуганно взглянул на свои ноги и, понурясь, торопливо сказал:

— Николай Вихров, товарищ капитан.

Капитан посмотрел на его туфли и покачал головой.

— Мокроступы у тебя не по сезону, товарищ Вихров. Ноги застыли?

Мальчик потупился. Он изо всех сил старался удержаться от слез. Капитан подумал о том, как он пробирался ночью в этих туфлях по железной от мороза степи. Ему самому

стало зябко. Он передернул плечами и, погладив мальчика по красной щеке, сказал:

— Добро! У нас другая мода на обувь... Лейтенант Козуб!

Маленький крепыш лейтенант козырнул капитану.

— Прикажите начхозу немедленно подыскать и принести мне в каземат валенки самого малого размера.

Козуб рысью побежал исполнять приказание. Капитан взял мальчика за плечо:

— Пойдем в мою хату. Обогреешься — поговорим.

В командирском каземате, треща и гудя, пылала печь. Краснофлотец помешивал кочережкой угли. Оранжевые отблески дрожали на белой стене. Капитан снял полушубок и повесил на крюк. Мальчик, озираясь, стоял у двери. Вероятно, его поразила эта сводчатая подземная комната, сверкающая эмалевой белизной риполина, залитая сильным светом лампы.

— Раздевайся, — предложил капитан, — у меня тут жарко, как на артекском пляже в июле. Грейся!

Мальчик стянул с плеч пальтишко, аккуратно свернул его подкладкой наружу и, привстав на цыпочки, повесил поверх капитанского полушубка. Капитану понравилось его бережное отношение к одежде. Без пальто мальчик оказался маленьким и очень худым.

Капитан подумал, что он, наверное, крепко поголодал.

— Садись! Сперва закусим, потом дело. Чай любишь крепкий?

Капитан налил доверху свою толстую фаянсовую кружку темной дымящейся жидкостью. Отрезал здоровый ломоть буханки, наворотил на него масла в палец толщиной и увенчал это сооружение пластом копченой грудинки. Мальчик почти испуганно покосился на этот чудовищный бутерброд.

— Клади сахар!

И капитан придвинул гостю отпилок шестидюймовой гильзы, набитый синеватыми, искристыми, как снег, кусками рафинада. Мальчик исподлобья посмотрел на капитана странным взглядом, осторожно взял кусочек сахару поменьше и положил рядом с чашкой.

— Ого, — засмеялся капитан, — вон как ты от сладкого отвык! У нас, брат, так чай не пьют. Это только напитку порча.

И он с плеском бухнул в кружку увесистую глыбу сахара. Худое лицо мальчика сморщилось, и из глаз на стол закапали неудержимые, очень крупные слезы. Капитан вздохнул, придвинулся и обнял костлявые плечи гостя.

— Ну, полно! — произнес он весело. — Брось! Что было, то сплыло. Здесь тебя не обидят. У меня, понимаешь, вот такой же павиан, вроде тебя, есть, только Юркой зовут.

А во всем прочем, как две капли, и нос такой же, пуговицей.

Мальчик быстрым и стыдливым жестом смахнул слезы.

— Это... я ничего, товарищ капитан... я не за себя разнюнился... Я маму вспомнил.

— Вон что, — протянул капитан, — маму? Мама жива?

— Жива. — Глаза мальчика засветились. — Только голодно у нас. Мама по ночам от немецкой кухни картофельные ошурки собирала. Раз часовой ее застал. По руке — прикладом... До сих пор рука не гнется...

Он стиснул губы, и из глаз его уплыла нежность. В них родился жесткий и острый блеск. Капитан погладил его по голове.

— Потерпи... Маму выручим. Ложись, вздремни.

Мальчик умоляюще посмотрел на капитана:

— Потом... Я не хочу спать. Сперва расскажу про них.

В его голосе был такой накал упорства, что капитан не настаивал. Он пересел к другому краю стола и вынул блокнот.

— Ладно, давай!.. Сколько, по-твоему, немцев в совхозе?

Мальчик ответил быстро, без запинки:

— Первое — батальон пехоты. Баварцы. Сто семьдесят шестой полк двадцать седьмой дивизии. Прибыли из Голландии.

Капитан удивился четкой точности ответа.

— Откуда ты это знаешь?

— Видел на погонах цифры. Слушал, как разговаривали. Я по-немецки в школе хорошо занимался, все понимаю... Потом рота мотоциклистов-автоматчиков. Взвод средних танков. По северному краю совхоза окопы. Два дота с полевыми и противотанковыми пушками. Они сильно укрепились, товарищ капитан. Все время цемент грузовиками таскали. Я из окошка подглядывал.

— Можешь точно указать местоположение дотов? — спросил, подаваясь вперед, капитан. Он вдруг понял, что перед ним не обыкновенный мальчик, а очень зоркий, сознательный и точный разведчик.

— Большой дот у них на бахче за старым током... А другой...

— Стоп! — прервал капитан. — Это здорово, что ты так хорошо все выследил. Но, понимаешь, мы же в твоем совхозе не жили. Где бахча, где ток — нам неизвестно. А морская десятидюймовая артиллерия, дружок, штука серьезная. Начнем гвоздить наугад, много лишнего перекрошить можем, пока в точку посадим. А там ведь и наши люди есть... И мама твоя...

Мальчик взглянул на капитана с недоумением:

— Так разве у вас, товарищ капитан, карты нет?

— Карта есть... да разве ты в ней разберешься?

— Вот еще, — сказал мальчик с небрежным превосходством, — у меня же папа геодезист. Я сам карты чертить могу... Папа теперь тоже в армии, он командир у саперов, — добавил он с гордостью.

— Выходит, что ты не мальчик, а клад, — пошутил капитан, развертывая на столе штабную полукилометровку.

Мальчик стал коленками на табурет и нагнулся над картой. Лицо его оживилось, палец уперся в бумагу.

— Вот же, — сказал он, счастливо улыбаясь, — как на ладошке. Карта у вас какая хорошая! Подробная, как план... Вот тут за оврагом и есть старый ток.

Он безошибочно разбирался в карте, как опытный топограф, и вскоре частокол красных крестиков, нанесенных рукой капитана, испятнал карту по всем направлениям, засекая цели. Капитан был доволен.

— Очень хорошо, Коля! — Он одобрительно потрепал плечо мальчика. — Просто здорово!

И мальчик, на мгновение перестав быть разведчиком, по-ребячьи прижался щекой к капитанской ладони. Ласка вернула ему его настоящий возраст. Капитан сложил карту.

— А теперь, товарищ Вихров, в порядке дисциплины — спать!

Мальчик не противился. Глаза у него слипались от еды и тепла, он сладко зевнул, и капитан ласково уложил его на свою койку и накрыл полушубком. Потом вернулся к столу и уселся за составление исходных расчетов. Он увлекся и не замечал времени. Тихий оклик оторвал его от работы:

— Товарищ капитан, который час?

— Спи! Тебе что до времени? Начнется драка — разбудим.

Лицо мальчика потемнело. Он заговорил быстро и настойчиво:

— Нет, нет! Мне же назад надо! Я маме обещал. Она будет думать, что меня убили. Как стемнеет, я пойду.

Капитан изумился. Он и предположить не мог, что мальчик всерьез собирается вторично проделать страшный путь по ночной степи, который случайно удался ему однажды. Капитану казалось, что его гость еще не вполне проснулся и говорит спросонок.

— Чепуха! — рассердился капитан. — Кто тебя пустит? Если даже не попадешься немцам, то в совхозе можешь угодить под наши снаряды. Спи!

Мальчик насупился и покраснел.

— Я немцам не попадусь. Они ночами от мороза по домам сидят. А я все тропочки наизусть... Пожалуйста, пустите меня.

Он просил упрямо и неотступно, и капитану на мгновение пришла мысль: «А что, если

весь рассказ мальчугана — обдуманная комедия, обман?» Но, заглянув в ясные детские зрачки, он отбросил это предположение.

— Вы же знаете, товарищ капитан, что немцы не позволяют никому уходить из совхоза. Если меня хватятся утром и не найдут, маме худо будет.

Мальчик явно волновался за судьбу матери.

— Есть... все понял, — сказал капитан, вынимая часы. — Сейчас шестнадцать тридцать. Мы пройдемся с тобой на наблюдательный пункт и еще раз сверим все. Когда стемнеет, тебя проводят. Ясно?

На наблюдательном пункте, вынесенном вплотную к пехотным позициям на рубеже, капитан сел к дальномеру. Он увидел холмистую крымскую степь, покрытую голубыми полосками снега, нанесенного ветрами в балки. Розовый свет заката умирал над полями. На горизонте темнели узкой полоской сады далекого совхоза. Капитан долго разглядывал массивы этих садов и белые крапинки зданий между ними. Потом он подозвал мальчика.

— Ну-ка взгляни! Может, маму увидишь.

Улыбаясь шутке капитана, мальчик заглянул в окуляр. Капитан медленно поворачивал штурвальчик горизонтальной наводки, показывая гостю панораму родных мест. Внезапно Коля отстранился от окуляра и мальчишески радостно затеребил капитана за рукав.

— Скворечня! Моя скворечня, товарищ капитан! Честное пионерское.

Удивленный капитан нагнулся к окуляру. В поле зрения, высясь над сеткой оголенных тополевых верхушек, над зеленой в пятнах ржавчины крышей, темнел на высоком шесте крошечный квадратик. Капитан видел его совсем отчетливо на бледносизом небе. И это натолкнуло его на неожиданную мысль. Он взял Колю под локоть, отвел его в сторону и тихо заговорил с мальчиком под недоуменными взглядами краснофлотцев-дальномерщиков.

— Понял? — спросил капитан, и мальчик, весь просияв, кивнул головой.

Небо потемнело. С моря потянуло ледяной колкостью зимнего ветра. По ходу сообщения капитан провел Колю на рубеж. Он вызвал командира роты, рассказал ему вкратце дело и приказал вывести мальчика скрытно за рубеж. Два краснофлотца канули с мальчиком в темноту, и капитан смотрел вслед, пока не перестали белеть новые валенки, принесенные мальчику в командный каземат начхозом батареи. Капитан ждал с тревогой, не грянут ли в этой тьме внезапные выстрелы. Но все было тихо, и капитан ушел к себе на батарею.

Ночью ему не спалось. Он без конца пил чай и читал. Перед рассветом он был уже на наблюдательном пункте. И как только на востоке посветлело и можно было различить на

этой светлеющей полосе крошечный квадратик, он подал команду. Первый пристрелочный залп башни расколол тишину зимнего утра. Гром медленно покатился над полями. И капитан увидел, как темный квадратик на шесте качнулся дважды и, после паузы, в третий раз.

— Перелет... вправо, — перевел для себя капитан и скомандовал второй залп.

На этот раз скворечня не шевельнулась, и капитан перешел к огню на поражение обеими башнями. С волнением артиллериста он наблюдал, как в дыму разрывов полетели кверху глыбы бетона и бревна. Он усмехнулся и после трех залпов перенес огонь на вторую цель. И снова скворечня вела с ним дружеский немой разговор. Огонь обрушился туда, где красный крестик на карте отметил склад горючего и боеприпасов. На этот раз капитану повезло с первого залпа. Над горизонтом полыхнула широкая полоса бледного огня. В туче дыма исчезло все — деревья, крыши, шест с темным квадратиком.

Запищал телефон. С рубежа просили прекратить огонь. Морская пехота, пошедшая в атаку, уже продвинулась к немецким окопам. Тогда капитан вскочил в коляску мотоцикла и в открытую помчался по полю на рубеж. От совхоза доносился пулеметный треск и удары гранат. Ошеломленные немцы, потеряв опорные точки, сопротивлялись слабо. С околицы

уже мигали веселые флажки семафора, докладывая об отходе противника. Бросив мотоцикл, капитан побежал напрямик, через степь, по тому месту, где еще накануне появление человека вызывало шквал свинца. Над садами совхоза плыл серо-белый дым горящего бензина, и в нем глухо рычали рвущиеся снаряды. Капитан торопился к зеленой крыше между надломленными тополями. Еще издали он увидел у калитки закутанную в платок женщину. За ее руку держался мальчик. Завидев капитана, он кинулся ему навстречу. Капитан с ходу подхватил мальчика и стиснул его. Но мальчику, видимо, не хотелось в эту минуту быть маленьким. Он уперся руками в грудь капитана и рвался из его объятий. Капитан выпустил его. Коля стал перед ним, приложив руку к рыжей шапчонке:

— Товарищ капитан, разведчик Вихров задание выполнил.

Подошедшая женщина с замученными глазами и усталой улыбкой протянула руку капитану.

— Здравствуйте! Он так вас ждал... Мы все ждали. Спасибо, родные!

И она поклонилась капитану хорошим глубоким русским поклоном. Коля стоял рядом с капитаном.

— Молодец! Отлично справился!.. Страшновато было на чердаке? — спросил капитан, привлекая мальчика к себе.

Еще издали он увидел закутанную в платок женщину.

— Страшно!.. Ой, как страшно, товарищ капитан, — чистосердечно ответил мальчик. — Как первые снаряды ударили, так все и зашаталось, будто проваливается. Я чуть не махнул с чердака. Только стыдно стало. Сам себе говорить начал: «Сиди... сиди!» Так и досидел, пока склад рвануло. А после и не помню, как внизу очутился.

И, сконфузясь, он уткнулся лицом в полушубок капитана, маленький русский человек, тринадцатилетний герой с большим сердцем — сердцем своего народа.

Н. Тихонов

СЕМЬЯ

— Даша, иди-ка, мать, сюда, разговор один есть, — сказал Семен Иванович.

Даша посмотрела на мужа так, как будто видела первый раз перед собой этого широкоплечего, серьезного человека с неторопливыми движениями и суровыми глазами, давно уже не улыбавшегося и не отпускавшего шуток по ее адресу. Она вытерла руки о передник, села на стул и сказала, отводя взгляд куда-то в угол:

— Да знаю я твой разговор, Семен.

— Знаешь? Откуда же ты знаешь?
— Сердцем чую... Ну, уж говори...
— Притвори дверь, чтоб Оля не слышала...
— Оля ушла за водой, а я тебе сама подскажу, ты только меня поправь, если что не так... Я ведь вижу, как ты после смерти Кости мучаешься. Ну что же, Костя погиб, защищая Ленинград, хорошей, чистой смертью умер, а этим фашистским выродкам надо мстить, Семен Иванович, надо мстить ежедневно, ежечасно... Чего они творят, мерзавцы, не перескажешь, язык не поворачивается — такой страх; презираю я их и ненавижу. За Костю, за брата, мстить им хочешь, на фронт решил. Да? Права я?

Семен Иванович ударил ладонью по колену, встал, подошел к ней, обнял ее, поцеловал и сказал:

— Эх, ты, угадчица! Правильно, все так и есть. Чтобы не раздумывать, я уж и бумаги оформил. Вот, мать, какие дела — одним бойцом больше стало. Не могу я работать, душа кипит. А я старый солдат — империалистическую всю прошел, стрелять не разучился. Только, мать, времени у меня мало. Собери, что там нужно со мной вещишек...

— Все будет в порядке, — сказала тихо Даша.

Она подошла к окну и взглянула на улицу: не идет ли Оля. На улице было множество людей, как в праздник. Все шли пеш-

ком, потому что трамваи не ходили. Люди тащили саночки с дровами, с какими-то мешками, на иных санках сидели старики или старухи, закутанные в платки, обмотанные шарфами.

Воду везли тоже на санках. Ее везли в детских ваннах, в бидонах, в ведрах, в жестяных ящиках. Люди скользили на мостовой, вода выплескивалась и замерзала ледяными языками. Мороз был жестокий. Порывы ветра налетали с залива, бросали в глаза людям пригоршни колючего снега, ледяной пыли. Люди обвязали себе лица до рта черными повязками и шли как бы в полумасках, как ряженые. Даша некоторое время смотрела на пестрые толпы, двигавшиеся беспрерывно. Под полумасками намерзали от дыхания ледяные кружева. Белый пар клубился изо рта пешеходов. Трудно было увидеть Олю с ведром в густоте этого человеческого потока. Оля должна притти с минуты на минуту.

— У меня тоже есть разговор, — сказала отвернувшаяся от окна Даша. — Я тоже решила: раз ты на фронт, я тебя заменяю. Не перебивай меня, Сеня, послушай, что я скажу. Город наш в осаде. Нивесть какие мученья люди принимают. Город фронтом стал — в газетах нынче пишут. И это правда. А если так, ты уходишь за брата мстить немцам, я на твое место встаю. Я еще женщина крепкая, выдержу, не беспокойся. Я понятливая, работу

Порывы ветра налетали с залива, бросали в глаза людям пригоршни колючего снега, ледяной пыли.

люблю. Тебя не подведу. Стыдиться жены не будешь... Дело понимаю... Ведь я с завода-то ушла только из-за детей...

— А сейчас? — сказал Семен Иванович.

— Что сейчас?

— Да ведь Петя мал еще. Да и Оле всего двенадцать. Слабенькая она. Как же дети-то будут, если я и ты из дому уйдем вместе? Завалится дом, мать, ты подумала об этом?

— Подумала, хорошо подумала, Сеня. И вот что я надумала: отправлю детей на Пороховые, там у меня подруга старая есть, у ней тоже погодки с моими, попрошу ее их пригреть. Вот тебе и руки свободные. Не те времена, чтобы думать о семейной жизни. Может, увидимся, а может, и нет. Да и дома наши враг рушит. Надо бороться с ним, нечего руки сложа сидеть. Никто за тебя драться не будет, сама дерись... Правильно я говорю, Сеня?

— Правильно, мать, — сказал Семен Иванович, — хорошо говоришь.

Вошла Оля. Оставив ведро с водой на кухне, она сразу, чтобы погреться, вошла в комнату, прошла к маленькой печурке и стала греть озябшие, посиневшие руки. Какими-то необычными показались ей сегодня отец и мать.

— Мама! — сказала она. — Отчего ты такая, ну, отчего вы такие? Что случилось? Кого еще убили? Нет, правда, вы что-то скрываете?..

— Нечего нам от тебя, девочка моя, скрывать, — сказала Даша, — вот раздевайся и слушай внимательно, что мы тут решили. — И скороговоркой, набрав сразу дыхания, она сказала: — Отец на фронт идет, а я на завод, а вас отправляю к тете Леле на Пороховые... Вот, дочка...

Оля подбросила в печурку два полешка и сидела перед печуркой, смотря в ее низкий, неохотно разгорающийся огонь. Не подымая головы, она спросила:

— А нас с Петькой зачем на Пороховые?

— А кто же в доме, девочка, управляться будет? И в очереди за хлебом ходить, и дрова доставать, и воду таскать, и Петю кормить. Он вот вернется от соседских ребят, надо за ним посмотреть, последить... Кто же тут управится, если меня не будет?

— Мама, не пойдем мы с Петькой на Пороховые, не люблю я тетю Лелю. Ну ее к богу! Она ворчит, ворчит целый день. А кто тут управится? Я управлюсь!

Она вдруг встала, резко сбросила шубенку с худых, почти мальчишеских плеч, тряхнула головой и начала говорить:

— Плохо я сейчас управляюсь? Воду ношу, подумаешь, дрова я знаю, где брать, мне Валька из семнадцатого поможет, печку растопить, подумаешь, какие разносолы на обед, за хлебом с той же Валькой по очереди будем стоять; Петьку я и так каждый день кормлю.

Не думай, что я маленькая. Теперь маленьких нет. Все мы большие. Идите оба, раз нужно, идите. Ты же домой приходить будешь? Будешь?.. Ну и ладно! А трудно мне будет, подумаешь, всем трудно. Ни на какие Пороховые я и не двинусь. Вот, мама, так и будет, мамочка, дорогая, все хорошо будет. Дай я тебя поцелую... Вот и все, подумаешь...

А. Кононов

КАРЫШ[1]

Одна половина холма долго оставалась в тени — седая от раннего заморозка, а рядом — на восточной стороне — уже сверкали на листьях крупные капли, и в лиловом цветке репейника отогревался на солнце красавец шмель: плюшевый, черно-коричневый.

Тропинка круто подымалась вверх. По тропинке шел мальчик. Дойдя до середины холма, он оглянулся: внизу лежало озеро, просторное и спокойное, как всегда.

Мальчик поднялся еще выше, и тогда стали видны трубы фарфорового завода и брошенные на берегу старые лодки, можно было

[1] Случай, о котором здесь рассказано, произошел осенью 1941 года. Герой рассказа сейчас боец Н-ской части. Он произведен в сержанты. — *Автор.*

даже разглядеть черные щели на их днищах. А чуть подальше, налево от завода, блестели, уходя к северу, рельсы узкоколейки.

Все кругом было спокойно. Даже птицы на холме — в ореховых зарослях — пели по-прежнему, как будто и не гудела в тот день земля, вздрагивая от далеких ударов.

Мальчик пошел дальше и вдруг услышал:

— Стой!

Из орешника вышел человек с охотничьим ружьем в руках. Мальчик поглядел на него, на ружье и сказал:

— А я вас знаю. Вы Кузнецов, с нашего завода.

— Ты что тут потерял? — строго спросил Кузнецов.

— Я дядю Васю ищу.

— Это что еще за дядя Вася?

Мальчик улыбнулся.

— Небось, знаете: один у нас дядя Вася.

Кузнецов помолчал, разглядывая мальчика.

— Товарищ Кузнецов, а что вы тут делаете? — спросил тот.

— Смотрю да слушаю.

Мальчик тоже прислушался: земля продолжала тяжко вздыхать от далеких взрывов. Когда взрыв раздавался сильней, птицы замолкали — не надолго, — а потом опять начинали петь.

— Ну-ка обожди, — сказал Кузнецов, прислонил ружье дулом к кусту орешника и,

сложив у рта ладони, свистнул — три раза подряд.

Через некоторое время издалека, из лесу донеслось:

— Ого-го-го-о-о!

Кузнецов опять взялся за ружье.

— Я теперь — арестованный? — с интересом спросил мальчик.

Кузнецов не ответил.

Мальчик начал разглядывать ружье в его руках.

— А что, можно немца застрелить из такого ружья?

На этот раз Кузнецов, хоть и не сразу, ответил:

— Очень просто. Почему не застрелить?

А потом добавил сердито:

— Экой ты речистый! А ну помолчи, я тут при деле, со мной не разговаривай!

И они замолчали. Попрежнему пели невидимые за листвой птицы и далеким гулом гудела земля.

Хрустнули сучья — к орешнику вышел парень в клетчатой кепке, с топором за поясом. Ружья у него не было.

— Вот, — хмуро сказал Кузнецов, кивнув на мальчика, — дядю Васю спрашивает. Отведи, что ли.

Парень постоял, подождал, не скажет ли еще что-нибудь Кузнецов. Но тот молчал. Тогда, вспомнив что-то, парень засмеялся:

— Беда, понимаешь, дяде Васе: гвоздей не захватили с собой. Пилы, топоры есть, а гвоздя — ну что ты будешь делать? — ни одного!

Кузнецов и тут ничего не сказал. Видно, не охотник был до разговоров.

Парень сделал строгое лицо, поправил за поясом топор и распорядился:

— А ну, пацан, топай за мной.

Мальчик пошел за ним следом, стараясь попасть в ногу. Но это не удавалось — шаг у парня был размашистый.

— Я не пацан, — обиженно сказал мальчик. — Я Иван Карыш, пионер.

— Ах! — Парень сдернул кепку с головы. — Великодушно извиняюсь! Так-так-так... Карыш? А я и не знал.

Мальчик понял, что над ним смеются, и замолчал. И молчал на этот раз долго — до тех пор, пока не пришли в лес и он не увидел у большой сосны дядю Васю. Дядя Вася в новом стеганом ватнике сидел перед потухшим костром и, нахмурив густые брови, веточкой ворошил пепел: должно быть, думал о чем-то.

Увидав Карыша, он поднялся:

— Ты что, не уехал? А мать?

— Ее с эшелоном отправили. В город Уфу.

— Ну, глядите на него! — Дядя Вася хлопнул себя ладонями по бокам, от этого

полы ватника распахнулись, и Карыш увидел на поясе у дяди Васи большой револьвер. — Глядите на него! Сбежал от матери?

— Нет, не сбежал, — ответил Иван Карыш. — Я в тот день в автороту ушел. Дядя Вася, а что, можно из этого револьвера...

— Постой! В автороту — зачем?

— Немцев бить. А бойцам в авторотє некогда было... Если б я на день раньше пришел, может, меня и взяли б.

— А сюда зачем?

— Немцев бить.

Дядя Вася качнул головой, прошелся взад-вперед. Потом остановился перед Карышем и взял его за плечо:

— Ну, вот что, друг: иди-ка ты скорей домой. Может, еще пристроишься с каким эшелоном и в Уфу попадешь.

Мальчик молчал. Ресницы у него дрогнули, он отвернулся. Дядя Вася нагнулся к нему:

— Ты что?

— Значит, и ты гонишь меня, дядя Вася? — проговорил Карыш.

— Ну, поглядите на него! — сказал дядя Вася таким тоном, что Карыш обернулся: кого это он зовет поглядеть? Но позади никого не было. Парень в клетчатой кепке — и тот ушел куда-то.

— Ты ж меня знаешь, дядя Вася... — жалобно начал Карыш.

— Знаю!

Василий Лутягин, мастер фарфорового завода, по прозванию «дядя Вася», и в самом деле знал Ивана Карыша. Карыш приходил к Лутягину от имени своего отряда — звать на пионерский костер. Отказаться было никак нельзя: ребята знали, что дядя Вася в гражданскую войну был бойцом у самого Котовского. Он прямо-таки обязан был рассказать об этом пионерам.

Костер... Должно быть, от него еще сохранился где-то тут, в лесу, сизый огромный круг с горстью углей... и с рыжей горелой хвоей по краям.

— Я тебя знаю, — повторил дядя Вася, — ты стрелять хочешь. В немца стрелять. А дай тебе дело попроще, тебе не подойдет.

— Подойдет!

— Скажем, надо дров наколоть, а ты...

— И дров наколю!

— Или, например, гвоздей принести...

— И гвоздей принесу.

Дядя Вася опустился на мох у самой сосны и сказал:

— Ну, иди сюда, садись.

Карыш сел рядом. Дядя Вася молчал, думал.

Карыш подождал, погладил мох рукой. Такой мох мать на зиму закладывала между оконными рамами, чтобы не было сырости на подоконниках; он внизу коричневый, а сверху зеленый. Карыш хотел спросить дядю Васю,

есть ли у него дома такой мох для зимы, но тот перебил его:

— Тебе который год?

— Четырнадцатый.

— Четырнадцатый? — спросил дядя Вася. — А не хвастаешь? Рост у тебя что-то маловат... Ну, слушай, вот какое тебе задание. Знаешь ты в Семихатке Филиппа Иваныча?

— Это что в кооперативе торгует?

— Значит, знаешь. Сбегай в Семихатку, — думается, Филипп Иваныч еще не уехал, — скажи ему: Василий Васильевич просит, мол, гвоздей двухдюймовых... Ну, килограмма три. Постой, я тебе записку напишу.

— Дядя Вася, а зачем тебе гвозди?

— Гвозди зачем? — переспросил дядя Вася, положил на колено бумажку и начал писать чернильным карандашом. — Зачем гвозди? — повторил он еще раз, подписался и встал. — Избу тут буду строить. Огород городить. Огород огорожу, огурцов насажу.

— Ты смеешься! — закричал Карыш.

— Ну, иди, исполняй задание. Я теперь тебе не дядя Вася, а начальник партизанского отряда.

Он протянул Карышу записку.

В Семихатку вели три дороги: одна по шоссе, другая через ржаное поле, третья через болото. Третья была самая короткая, и Карыш пошел по ней.

Болото начиналось сразу за лесом, — очень нарядное, если посмотреть на него издали. Там еще доцветали не убитые морозом красноватые копья иван-чая; его было много, и рос он стебель к стеблю — длинной полосой; казалось, что это розовый ручей течет к озеру. И по всему болоту торчали зелеными бородавками кочки. Еле заметная тропка путалась между кочками, а к середине болота пропадала. Но люди и там проходили — перепрыгивали с кочки на брошенное кем-то бревнышко, а с него на другую кочку.

Карыш еще не добрался до этого места, когда услышал в небе далекое жужжание мотора. Оно разрасталось, становилось все слышней. Со стороны озера показался самолет. И сразу за ним — еще два. Даже не видя их, можно было сказать: это не наши. Мотор у нас не тот, и скорость не та, и люди не те... И поет наш самолет по-иному.

Карыш не успел испугаться, — машины, завывая, пронеслись над болотом в сторону Семихатки. На брюхе у каждой из них был ясно виден широкий черно-белый крест.

Когда они были уже далеко, передняя машина снизилась, и от нее отделилась беловатая точка. Карыш раньше думал, что бомбы летят быстрее пули, не поймать глазом. А тут было видно, как блеснувшая на солнце точка упала вниз и над землей сразу же вырос высокий черный столб. Раздался глухой корот-

кий удар, землю тряхнуло, и Карыш, упав на кочку, замер. Прозвучал еще один взрыв, как будто ближе. «Это — в Семихатку», подумал Карыш и продолжал лежать, стараясь не двигаться. Послышались еще два взрыва — один за другим. Сколько времени Карыш пролежал на кочке, он не мог бы потом сказать.

Взрывы раздавались один за другим. Казалось, им не будет конца.

Тогда Карыш поднялся и пошел к Семихатке.

* * *

Может быть, в Семихатке и было когда-то всего семь хат. А теперь это большой поселок с клубом, школой и кооперативом.

Кооператив помещался на площади. Там стояла лошадь, запряженная в телегу. От крыльца к телеге носил какие-то ящики низенький усатый человек и грузил на телегу. Это и был Филипп Иваныч.

— Вам записка от товарища Лутягина, — сказал ему Карыш.

— От дяди Васи? Давай, давай, — торопливо проговорил Филипп Иваныч, поглядывая на небо: — Вот гады, что делают!

Ящики на телеге подпрыгнули от нового взрыва, лошадь рванулась. Филипп Иваныч закричал на нее сердито: «Ну, качайся!»

Карыш подал ему записку. Филипп Иваныч прочел вслух:

— «Получено от зав. кооперативом поселка Семихатка три кило гвоздей для нужд обороны Советского Союза.

В. Лутягин».

Лицо у Филиппа Иваныча просветлело.

— Значит, дядя Вася уже при деле? Ну, и я — к нему... вот только доставлю на место казенное имущество.

— А я думал, это Семихатку бомбят, — сказал Карыш.

Филипп Иваныч опять глянул на небо. Там около вражеских машин были теперь видны частые разрывы зенитных снарядов — похоже было, что небо с размаху прокалывают раскаленной иглой.

— Нет, это станцию... — начал Филипп Иваныч и, вдруг замолчав, крепко схватил Карыша за руку: фашистская машина, вся в черном дыму, начала — одним крылом книзу — падать на землю.

— Так! — Филипп Иваныч с облегчением вздохнул: — Номер первый. За чем вор шел, то и нашел.

Он повернулся к ящикам, пододвинул к себе один из них, отодрал крышку:

— Ну, пионер, подставляй подол. Сегодня товар отпускаю без весу.

Карыш принялся рассовывать гвозди по карманам. Они были большие, как штыки. Или — немножко поменьше.

Филипп Иваныч начал привязывать кладь

к телеге. Торопясь, он смастерил узел, потом ухватил веревку зубами, стал затягивать как можно туже.

— Ну, парень, — промычал Филипп Иваныч сквозь сжатые зубы, — беги к Василию Васильевичу, скажи: и я, мол... — он сплюнул в сторону кусочек веревки, — мол, и Филипп Иваныч в скором времени...

Все кругом дрогнуло от страшного удара, лошадь опять рванулась, Филипп Иваныч торопливо закончил:

— Беги, пионер, беги. Видишь, что делается.

Он взялся за вожжи и, подскакивая на одной ноге, полез на телегу.

Карыш побежал назад, к болотной тропинке.

Он бежал, и ему все ясней становилось, что дядя Вася не станет сидеть на одном месте, его, Карыша, ждать: увидев вражеские самолеты, он, конечно, уже ушел поглубже в лес; а когда к нему соберется народ — придет Филипп Иваныч и другие, — тогда партизаны и начнут воевать по-настоящему. Он бежал, задыхаясь, вытирая пот, и остановился только на опушке. Из леса слышался частый стук топоров и злое повизгивание пилы.

Карыш стал пробираться вперед, хоронясь на всякий случай за кустами, пока не дошел до знакомого места. Там, у сосны, горел костер, над огнем на высокой рогульке висел

жестяной чайник. В стороне, спиной к Карышу, стоял дядя Вася и тесал топором доску. Двое партизан пилили бревно. Одного из них Карыш узнал: это был рабочий фарфорового завода Шитиков. А другого — с веселым рябоватым лицом и золотистой бородкой — он видел впервые.

За ельником стучал топор, видно, рубили дерево. Пахло свежими стружками, дымком и еще чем-то необыкновенно приятным: лесным жильем, что ли.

Дядя Вася оглянулся:

— А, товарищ Карыш! Молодец, скоро управился.

Карыш вывалил перед ним кучей гвозди из всех карманов. Василий Васильевич выхватил из кучи один на пробу:

— Хорош!

И поглядел на потное лицо мальчика:

— Уморился? Садись чай пить. Я сейчас...

Он взял доску, прислонил ее одним концом к сосне и вколотил в нее гвоздь. Потом вбил другой, третий. И перевернул доску: все гвозди прошли навылет. Тогда, уже не останавливаясь, он пробил гвоздями — из конца в конец — всю доску. Одна ее сторона теперь была покрыта железной щетиной. Василий Васильевич схватил щетинистую доску и несколькими ударами обуха прибил ее к бревну — так, чтобы гвозди торчали наружу. И спросил любуясь:

— Хорош еж?

Два партизана перестали пилить, поглядели:

— Годится!

— До заката управимся, — сказал Лутягин. — А ну, товарищи, давай чай пить.

Чай пахнул дымом, но был очень вкусным.

Пришел Кузнецов, сменившийся с дозора на холме. Он достал из своего вещевого мешка кружку и молча сел к огню.

За чаем всех смешил парень в клетчатом картузе. Звали его, как оказалось, Гошкой. Он все рассказывал про какую-то тетю Мотю, которая вчера заперлась нечаянно в чулане, а ключ потеряла, никак не могла вылезти.

Партизаны, слушая Гошку, смеялись, особенно тот, с рябоватым лицом и бородкой: он все подмигивал Гошке, и казалось, что они вдвоем знают что-то веселое, по секрету от других. Все было так, как будто война гремела где-то далеко, за тридевять земель.

Но когда кончили пить чай, дядя Вася прислушался и сказал:

— Наши по шоссе начали крыть.

И Карышу гул орудий показался другим, дружелюбным: это ведь красноармейцы стояли за длинными зелеными дулами, целились во врага.

После чая все опять взялись за топоры и пилы. А Карыш стал собирать дрова в запас для нового костра.

К вечеру ежи были готовы, счетом десять.

Партизаны попарно взялись за них и понесли куда-то. Впереди шел дядя Вася. А Карыш бежал следом — ему дали нести лопаты, — и он уже никого ни о чем не спрашивал: было ясно, для кого ежи, — для немцев.

Лес стал редеть, впереди открылась широкая, заросшая травой просека. Видно, здесь когда-то прокладывали дорогу, даже канаву вырыли рядом, чтобы вода стекала. А может, это и теперь была дорога — лесная, по ней, должно быть, возили сено из лесу.

Бревна скинули у канавы, Лутягин скомандовал «начинай», и партизаны взялись за лопаты.

Тут Карыш не вытерпел:

— Дядя Вася, а откуда ты знаешь, что сюда немцы поедут?

— Ну, это нехитро узнать, — сказал Лутягин и добавил: — по шоссе им сейчас итти нельзя, там чересчур жарко. Они попробуют сюда сунуться... Сперва, конечно, разведку пошлют.

Поперек просеки партизаны вырыли в разных местах канавки, положили в них бревна, засыпали землей, но неплотно. Карыш потрогал: из земли упрямо торчали — штыками — гвозди. Он нарвал травы и листьев и притрусил ими бревна, чтобы и в пяти шагах ничего нельзя было различить.

Уже начинало темнеть.

— Ну, по местам! — распорядился Василий Васильевич.

И партизаны, взяв кто ружье, кто топор, разошлись, прячась за деревьями.

— А мое место где? — спросил Карыш.

— Сейчас покажу, — ответил Василий Васильевич, — идем!

Он повел Карыша в лес, туда, где деревья стояли гуще. Шли недолго. Дядя Вася остановился.

— Вот твое место.

Между деревьями уже залег сумрак, и Карыш не сразу заметил перед собой что-то темное — не то стог сена, не то кучу хвороста.

— Это наш шалаш, — сказал Василий Васильевич, — полезай туда, там тулуп есть, закройся им как следует, а то продрогнешь...

— Дядя Вася, я не хочу! Вы там без меня воевать будете!

— Чудак! Ты же видел, я всех в караулы послал. И тебе тоже велю караулить наше имущество. Тут у нас тулупы, посуда... Одним словом, нужные вещи.

— Ты меня все обманываешь!

— Ну, спорить мне с тобой некогда. Приказываю, слышишь? Оставаться в шалаше до моего прихода!

И дядя Вася, повернувшись, ушел, должно быть, назад — к просеке.

Стало совсем темно. Кто бывал ночью в

лесу один, тот знает: в темноте все кругом кажется живым, словно кто-то притаился, слушает, ждет. Карыш и сам себе не хотел признаваться, что ему стало страшновато; он полез в шалаш, нащупал тулуп, сунул руку дальше — рука наткнулась на стенку из колючих еловых веток. Он с горя закутался с головой в душный тулуп и неожиданно заснул. Во сне он сперва все шел по берегу озера. Все шел и шел, и в руках у него были удочки, и солнце палило жарко. Потом он увидел знакомые ворота завода, из ворот серебряными струйками вытекали рельсы узкоколейки. По рельсам громыхал маленький вагон — один, без паровоза. Всадник скакал по темному полю к вагону и скалил зубы, алые от далекого пожара. На нем была бурка, как у Чапаева, он кричал: «В Уфу! Вагон отправляется в Уфу!» А где-то за вагонами стали стрелять. И пожар разгорался все шире, только не удавалось разглядеть, где горит, — свет слепил глаза. Карыш сощурил их, потом раскрыл и не сразу вспомнил, что он в лесу. Прямо в шалаш били косые лучи солнца. Неподалеку стреляли. Он скинул с себя тулуп и выскочил на волю. Никого кругом не было. Только на сосне, припав к самому стволу, сидел носатый дятел и глядел на Карыша. Где-то опять выстрелили. Дятел быстро побежал вверх по стволу, махнул яркими крыльями, скрылся. Ждать дальше было невозможно.

Карыш, пробираясь сквозь кусты, побежал напрямик в сторону просеки. Скоро он услышал голоса. Среди них выделялся густой бас дяди Васи. Карыш пустился еще быстрей.

Дядя Вася стоял на просеке и разглядывал новенький автомат. К другому автомату примерялся — вешал его себе на шею — Кузнецов. Гошка вертел в руках немецкую каску.

— И что за знак такой — называемая свастика? Вот, ровно четыре виселицы срослись, ну, не бывает поганей! И примерил бы, да не могу. Из-за поганого знака.

Гошка с огорчением кинул каску в кусты. Она покатилась, Карыш провожал ее взглядом — каска легла рядом с зеленым мундиром: это был убитый фашист! И мотоцикл валялся рядом, а недалеко — другой. Карыш не стал больше разглядывать и кинулся к дяде Васе:

— Вы тут без меня! Без меня воюете!

Дядя Вася улыбнулся:

— Ну, разве ж это война? Война впереди. Мы так, маленько немецкую разведку... вот, видишь, оружия добыли. Теперь и воевать можно.

— Ты меня все обманываешь! — запальчиво закричал Карыш. — Сам немцев бьет, а меня — в шалаш!

— Тихо! — Дядя Вася нахмурил брови, сжал губы, только с глазами ничего не мог поделать — глаза смеялись. — Постой, пого-

ди: вот, пусть товарищи рассудят. Ребята, я, стало быть, посадил Карыша в шалаш, караулить наши вещи. И что ж? Он кинул все, а сам сюда прискакал.

— Дядя Вася!

— Постой, дядя Вася был, да весь вышел. Теперь я тебе — начальник отряда. Говори: тебя кто с караула снял?

Неизвестно, чем кончился бы этот разговор, если бы на просеке не показался старик с широкой кудрявой бородой; за плечами у него был мешок, в руках суковатая палка.

— Ваш пропуск! — с шутливой угрозой крикнул ему Гошка еще издали.

— Да это бакенщик Михеев, — проговорил кто-то.

Старик подошел поближе и тогда только сказал Гошке серьезно:

— Выйди на реку, там у меня... — он остановился, задохнувшись, — немцы избу жгут, вот тебе мой пропуск!

Он снял шапку и спросил:

— Кто тут у вас за начальника?

Он отогнул подкладку в шапке и вытащил серый конверт.

Дядя Вася взял у него конверт, вынул бумагу. Прочитав, он поглядел на партизан так, что все замолчали.

— Кузнецов, Пахомов, ко мне! — сказал дядя Вася и отошел в сторону.

Незнакомый Карышу партизан с рябова-

тым лицом и Кузнецов последовали за ним. Они втроем поговорили негромко между собой, посоветовались и вернулись к отряду.

— Ну, товарищи, — сказал Василий Васильевич, — командование Красной армии доверяет нам большое дело.

Он помолчал, глянул на партизан, на бакенщика, на Карыша.

— Тут все свои, буду говорить открыто. Мы должны взорвать мост в тылу у немцев. Сегодня же. Вот... Надо обдумать, как лучше это сделать.

Кузнецов обернулся, обвел взглядом партизан, как будто подсчитывая.

Лутягин понял его и сказал:

— В открытую нападать — провалить все дело. Только шуму наделаешь.

— Ночью если... — проговорил Шитиков нерешительно.

— В том-то и суть, что ночи ждать не приходится, — ответил дядя Вася, — тут часы считаны.

Партизаны заговорили:

— Надо взять взрывчатку и пойти туда одному-двум, чтобы тайно...

— Перестреляют. Нет, тут либо с боем итти — напрямик, либо ждать ночи.

— Ночи ждать не приходится, — повторил Василий Васильевич.

Все замолчали. Прошла минута-две. Лутягин сорвал с себя шапку, вытер лоб:

— Эй, скорей бы думать надо!

Карыша будто что толкнуло:

— Дядя Вася... товарищ начальник отряда, разрешите: я пойду взрывать мост.

Лутягин повернулся к нему с досадой.

— Тебе что тут — игрушки... — начал он, но Карыш не дал перебить себя:

— Я кнут возьму... Или — нет кнута — хворостину. Будто корову ищу. Сперва все по-над берегом, по-над берегом пойду. Чуть что, встречу кого, сейчас плакать: корова пропала... — Карыш торопился все больше, спешил досказать: — Я одно место знаю, мы там с ребятами сколько раз... там кусты к самому мосту подходят.

— На словах выходит складно, — усмехнулся дядя Вася.

— Малый дело говорит, — сказал вдруг бакенщик Михеев.

— Дело! Подстрелят его, вот тебе и все дело.

— Что ж, могут и подстрелить, — спокойно ответил Михеев.

— Не подстрелят! — закричал Карыш.

Бакенщик перебил его:

— Погоди, теперь не твоя речь. Теперь речь моя. Вот как надо сделать, чтоб верней вышло. Парнишка пойдет к мосту с одного краю, а я с другого — начну на немцев шуметь, руками махать... Они мной займутся, а тут малый-то...

— Ты руками махать, а немцы рты разевать: «Ах, какой интересный старик!» Рты разинут, винтовки выронят. — Дядя Вася даже отвернулся: — Ну что ты, дед, как маленький все равно!

— Ничего не маленький. Немцы винтовок не выронят. Они в меня из винтовок стрелять будут. А пока мной, стало быть, займутся, малый будет действовать с фугаской.

— Не дело говоришь, дед!

— Ну, тогда ты скажи дело, товарищ начальник! — Михеев насупился, замолчал.

Дядя Вася тоже молчал.

Тогда вышел вперед рябоватый партизан:

— Василий Васильевич, позволь мне... Карыш верно говорит: если перейти железную дорогу, там кусты близко к мосту подходят...

Дядя Вася нахмурился, хотел перебить.

— Нет, ты постой, Василий Васильевич. — Партизан затряс рыжей бородкой, заторопился. — Постой, дослушай. Оружие у нас теперь есть. Удастся пионеру проскользнуть к мосту — хорошо, не удастся — мы всем отрядом... да ну, погоди, не перебивай!.. всем отрядом ударим из винтовок.

— Нет, не согласен, — сказал Лутягин.

— Товарищ Лутягин, — обратился, заминаясь, к дяде Васе Гошка, — я объясню, как надо сделать. Только ты мне автомат отдай, почему это его Кузнецов себе забрал? Я возьму автомат и пойду вместе с Карышем. Ка-

рыш — к мосту, а я засяду в кустах и — чуть что — начну немцев из автомата поливать. Приму огонь на себя.

Василий Васильевич присел на пенек у просеки.

— Ну, ребята, помолчите немножко,—распорядился он.

Все замолчали. Через просеку, обманутая тишиной, перелетела белка, разостлав по воздуху пушистый хвост. Гошка не удержался, свистнул ей вслед и подмигнул Карышу.

Василий Васильевич задумчиво пошевелил носком сапога кленовый лист, желтый, в багровых брызгах. Все внимательно следили, как он перевернул лист наизнанку, показались выпуклые восковые прожилки. Лутягин наступил на них, поднялся с пенька:

— Ну, надо решать. Вот что: с Карышем пойдет Кузнецов. Не обижайся, Гоша, ты горяч, Кузнецов тут больше подходит.

Через минуту Ивану Карышу дали тяжелый полотняный мешочек.

— Это динамит? — спросил он обрадованно.

— Почище динамита, — сказал Кузнецов. — Ну, теперь гляди сюда, на шнур.

Он объяснил Карышу, как обращаться с взрывчаткой, как ее закладывать под мост, как держать спички и шнур при зажигании.

— Он доотказа короткий, шнур-то. Как только загорится, не вздумай мешкать.

— Ну, конечно, не вздумаю, — ответил Карыш.

Партизаны столпились вокруг него. Только Гошки не было. Гошка ушел строгать из орешника рукоятку для кнута. Скоро он принес ее; по толстому пруту кора была вырезана затейливо — винтовой нарезкой. Гошка привязал к пруту тугую крученую бечевку — и откуда только взял! — с узлом на конце. Кнут был готов. Карыш ждал, что Гошка теперь хлопнет бечевкой по осенним листьям и крикнет лихо: «Ну и кнут!» или что-нибудь в этом роде. Но Гошка протянул кнут молча, глаза у него были грустные.

Карыш стал прилаживать полотняный мешочек себе на шею, под рубашку. Все теперь следили за каждым его жестом, как за минуту перед тем за движениями Василия Васильевича. Карыш стоял красный от удовольствия. Кузнецов подал ему коробку спичек, Карыш спрятал коробку в левый карман, правый оказался дырявым — это его пробили гвозди Филиппа Иваныча.

— Вот ты и воевать начал, — сказал дядя Вася изменившимся голосом.

Все немножко помолчали, как будто ждали чего-то.

Солнце стояло уже высоко над лесом. На еловых лапах заблестела влажная паутина. Пахло грибной сыростью, палым листом — осенью.

— Вот ты и начал воевать, — повторил Василий Васильевич.

Карыш не знал, как ответить дяде Васе. Надо было что-то сказать, а что, он не знал. И потому стоял молча и глядел на новый кнут. Коричневая полоска коры круто обрывалась: поближе к веревке рукоятка была гладко оструганная, белая и, должно быть, скользкая. Карыш потрогал: она и в самом деле была скользкая.

— Ну, — сказал Василий Васильевич, подошел к Кузнецову и снял шапку.

Кузнецов тоже снял свою шапку, и они три раза поцеловались.

Тогда и Карыш снял фуражку и тоже три раза поцеловался с дядей Васей.

— Пошли, — сказал Кузнецов.

— Я на тебя надеюсь, помни, товарищ Кузнецов! — крикнул им вдогонку Василий Васильевич.

По просеке пришлось итти недолго. Кузнецов свернул в сторону, на узенькую тропку. Тут под ногами были видны вдавленные в землю коровьи следы, а по лицу били колючие росистые ветки. Но скоро ветки раздвинулись, ели сменились березками. За березками знакомым веселым блеском сверкнула река.

Кузнецов не сразу повернул к ней. Он продолжал итти лесом и часто останавливался, прислушиваясь. Ветер донес с реки запах ды-

ма. Это был не тот чистый, хоть и горьковатый запах, который мы слышим, когда горит дерево, когда топится печь. Какой-то едкий смрад вплетался в него; может быть, то горела одежда или шерсть в колхозной избе.

Кузнецов, прячась за березами, подошел поближе к реке. Он прислонил ладони к глазам, вгляделся и сказал Карышу:

— А ведь это михеевский дом догорает.

Карыш не сразу увидел пожар. Горело на том берегу. Светило солнце, сверкала, морщась под ветром, река, и оттого не очень заметны были злые языки огня. Над пожаром кривым черным пальцем торчала закопченная труба. Она уцелела и казалась непомерно высокой; огонь уже успел сожрать стены.

Кузнецов стоял, глядел. Карыш хотел было потянуть его за рукав, но тот сказал негромко:

— Смотри, сынок, смотри. Это наших людей жгут. Хорошенько смотри: у тебя от этого рука крепче станет.

Потом вздохнул:

— Ну, пойдем. Отсюда уж недалеко.

Карыш и сам хорошо знал эти места. Скоро, поближе к железной дороге, пойдет осинник, ольховник, кусты — конец лесу.

Среди кустов шли согнувшись, а кое-где пробирались ползком.

Теперь уже ничто не заслоняло реки, и она видна была всем своим привольным про-

сторож. Вдали на реке краснел гнутыми кружевными пролетами железнодорожный мост. Раньше Карыш не раз бегал сюда с ребятами. По мосту тогда гремели поезда, паровоз с выпяченной богатырской грудью летел вперед, как в бой. Когда состав исчезал, увлекая за собой ворох пыли и песку, ребята взбирались на насыпь и прикладывались щеками к разогревшимся натруженным рельсам: рельсы долго пели, дрожа, никак не могли успокоиться. Доносился последний слабый толчок — это паровоз прошел стрелку, рельсы затихали, и кто-нибудь из ребят, первый вставая со шпал, говорил:

— Айда!

Под насыпью собирали теплые, пахнувшие гарью куски шлака с узорными острыми краями, уславливались, что это — редкие камни; набрав их полные пазухи, бежали к реке купаться. Купаясь, подплывали к устоям моста; камень у самого берега был выдолблен водой, и сюда, в круглую выбоину, Карыш прятал банку с червяками для рыбной ловли.

Теперь на мосту стояли немецкие солдаты. Чтобы подойти к мосту с той стороны, где у самого берега густо рос ивняк, надо было перейти насыпь.

Карыш решил отойти от моста подальше и тогда уж подняться к железной дороге.

А Кузнецов выбрал куст и устроился за ним: лег на животе, положив перед собой

автомат. Отсюда мост был виден, как на ладони.

— Смотри, сынок, вернись целым, а то рассержусь, — сказал Кузнецов и попробовал улыбнуться.

— Вернусь, — ответил Карыш, щелкнул кнутом по кусту и пошел вперед.

Он шел опушкой леса, прячась за березами и кустарником.

Поровнявшись со старой путевой будкой, которая уже несколько лет стояла пустой, он подошел к насыпи и поднялся наверх.

И тут услышал вдруг хриплый протяжный возглас:

— Ха-альт!

Карыш остановился, из будки вышел немец в мешковатой зеленой шинели и погрозил ему пальцем. Карыш заныл, как и собирался:

— Я корову ищу... Корова потерялась...

— Корофф-ф, — проворчал немец, разглядывая мальчика. Потом повернулся к будке. Но на ходу остановился и закричал Карышу что-то по-своему, махнув рукой в сторону. Карыш понял: велит итти подальше от моста.

— Хорошо, хорошо, — торопливо заговорил он, — гут, — вспомнил он немецкое слово.

Фашист опять хрипло пролаял что-то, открыл в будку дверь, шагнул за порог. Карыш не вытерпел, побежал. Перескочив через рельсы, он скатился вниз и кинулся к ивняку.

Немец вернулся из будки с винтовкой.

Должно быть, за ней он и ходил. Держа дуло книзу, он пробовал затвор, потом вскинул винтовку и оглянулся: где же мальчишка?

А Карыш уже полз в зарослях ивняка, прижимаясь к самой земле. Немец выругался и выстрелил — наугад.

Карыш полз дальше, сбивая коленки в кровь об острые сучки. Скоро тяжелый полотняный мешочек у него на шее стал мокнуть от пота. Карыш осторожно придерживал пальцем шнур, вставленный во взрывчатку: ему все казалось, что шнур может выпасть, а как вправить обратно, неизвестно. Забота о шнуре успокоила его. Теперь он пополз уже не так торопливо, выбирая дорогу — обходя сухие сучья.

Через некоторое время он решился выглянуть, раздвинул ивняк и приподнял голову. Путевая будка осталась далеко позади. Зато немцы на мосту были теперь видны уже совсем ясно. Они стояли парами, по-двое у каждого края перил. Винтовки с широкими штыками они держали у плеча прямо, как на ученье. Один из солдат слегка повернулся — штык его вспыхнул на солнце и погас.

Карыш пригнулся, пополз дальше. Скоро он услышал шелест воды. Река в этом месте поворачивала, и даже в ясную погоду волна с тихим ропотом забегала на песок.

Ивняк кончился там, где начиналась размытая рекой полоса песку.

И здесь Карыш остановился. Он еще раз нащупал мешочек со взрывчаткой, вынул из кармана и проверил спички. Спички были сухие. Он опять поднял голову и глянул на мост. Кроме солдат, теперь у самых перил стоял еще один немец с какими-то бесчисленными нашивками: на рукаве, на воротнике, на левом кармане мундира. Должно быть, это был их начальник — фельдфебель или ефрейтор.

Лениво щурясь, разукрашенный нашивками фашист глядел прямо перед собой — на кусты ивняка. Карыш приник к земле. Прошло несколько минут. Карыш снова выглянул: немец попрежнему щурился и глядел на берег.

И вдруг Карышу стало ясно: даже если немец отвернется, если даже он отойдет куда-нибудь в сторону, все равно к мосту не добраться. Как бы тихо он ни вышел из ивняка, солдаты заметят. Двое из них стоят лицом в эту сторону, двое — в противоположную. Им видны все подступы к мосту.

В первый раз за весь день Карышу стало по-настоящему страшно.

Ползти назад — невозможно. Он лежал, в двух шагах от него равнодушно шептала река, сквозь ивовые прутья виден был мирный ее блеск, он лежал и думал, что теперь делать.

Будь у него граната, он мог бы бросить ее

Карыш понял — это шумят, еще очень далеко, колеса вагонов.

с размаху. Правда, такой мост гранатой не взорвешь.

Ждать здесь, пока стемнеет?

Далекий гул, похожий на шум ветра в хвойном лесу, донесся из-за реки, стал нарастать, и Карыш понял — это шумят, еще очень далеко, колеса вагонов: шел к мосту немецкий поезд, впервые по этой земле.

Солдаты на мосту подтянулись, выровняли у плеч винтовки. Впереди их стал ефрейтор с нашивками. Это ведь шла им подмога — снаряды или войска.

Ефрейтор в нетерпении шагнул вперед. Четверо солдат глядели ему вслед — в сторону далекого поезда. Теперь-то уж им было не до нвняка! Карыш выскочил из кустов. Пробежать надо было всего несколько шагов. Еще на бегу он вытащил из кармана спички и держал их в левой руке, в правой была взрывчатка. Под мостом он сразу же кинулся к знакомой выбоине и сунул туда взрывчатку. Сердце у него колотилось гулко, где-то у самого горла. Мост стал гудеть — сперва еле заметно, потом все сильней. Карыш чиркнул спичку, она сломалась. Тогда он выхватил из коробки сразу несколько штук, зажег и поднес к шнуру желтенький огонек. Шнур затлелся сразу, запахло горелой тряпкой. Дольше оставаться нельзя было ни одной секунды. Мост уже подрагивал от гула приближающегося поезда. Карыш выглянул из-под моста.

Попрежнему перед ним, переливаясь на солнце, сверкала река и кивали на берегу ивовые прутья.

Карыш кинулся к ивняку. Короткий крик раздался где-то над ним, и всей кожей своей он почувствовал: сейчас в него выстрелят. Он споткнулся и упал. Это его спасло: пуля с противной вкрадчивостью пропела неподалеку.

Он вскочил. К нему уже бежали с моста немцы — двое. Они целились в него, но не стреляли: видно, надеялись взять живым. Впереди был ефрейтор. Карыш еще успел разглядеть его вытаращенные глаза и рыжеватые, должно быть небритые щеки.

В это время со стороны леса застучал автомат.

«Кузнецов», подумал Карыш. Нестерпимый белый огонь рванулся к небу с оглушающим грохотом. Карыш мельком увидал падающий в реку красный пролет моста, — и сразу все кругом начало звенеть и тихо меркнуть, пока совсем не стало темно.

* * *

Еще не открывая глаз, он услышал:

— Будет жить!

Он поглядел, кто это говорит, и сразу же опять закрыл глаза — больно было смотреть на снежно-белые стены и ослепительный халат наклонившегося над ним седого человека.

В. Фраерман

К НОВОЙ ЖИЗНИ

I

До отхода поезда оставалось пять минут, когда полковник вошел в купе спального вагона и занял свое место.

В купе было пусто. Оно было двухместное, спутников, очевидно, не предвиделось, и полковник был этому рад.

Он только что вышел из госпиталя после тяжелой контузии головы и совсем недавно узнал о том, что в Ленинграде во время жестокого налета погибла его жена. Теперь он ехал надолго в отпуск, далеко, в Среднюю Азию, куда еще в начале войны отправил своего сына Сергея, мальчика двенадцати лет.

«Хорошо, что никого нет», подумал он и плотно закрыл дверь.

Вдруг послышался легкий стук, медная ручка двери шевельнулась, и детский ясный голос отчетливо, но негромко сказал:

— Зиночка, сюда, я нашел наше место.

В купе вошел мальчик лет тринадцати и с мальчиком на руках. У него было загорелое лицо, а выцветшие волосы казались совсем белыми.

Его одежда была основательно поношена, но опытный взгляд полковника сразу отметил, как складно выглядела на нем защитная гим-

настерка и как любовно был завязан пионерский галстук.

— Здравствуйте, — приветливо обратился мальчик к полковнику и усадил ребенка в уголок дивана, заботливо придвинув его к стенке тяжелой вагонной подушкой. Поймав недовольный взгляд полковника, мальчик так же приветливо сказал:

— Вы не опасайтесь. Он у нас, Потап, веселый. Посмотри-ка, Потап, какой дядя красивый, — добавил он, окинув взглядом статную фигуру, лицо и грудь полковника, увешанную многими орденами. — Ну и дядя! А мама сейчас придет.

Мальчик шагнул к двери.

— А ты сам куда? — спросил, хмурясь, полковник.

— Я — Зиночке помочь. Она замаялась со Степаном. Мы уж тут с утра на вокзале. А вот из-за Степана вся загвоздка. Да еще Лидушку привести надо.

Мальчик быстро вышел.

«Потап, Степан, Лидушка, — пронеслось в голове полковника, — мальчик, который принес Потапа, ведь тоже имеет какое-то имя...»

У полковника зазвенело в ушах.

Из коридора доносился все тот же ясный голос мальчика:

— Скорее, скорее, сейчас поезд пойдет. Лидушка, да отцепись же ты от тети. Зиночка, я возьму Степана!

«Надо сейчас же переменить купе, — решил полковник. — Мать, тетка, Зиночка — трое, — считал он. — Степан, Потап, мальчишка да еще Лидушка».

Вагон дернуло. Поезд отходил. Потап звонко стукнулся затылком о стенку и упал набок.

«Сейчас заплачет», подумал полковник, болезненно морщась, точно от зубной боли.

Все же он подошел к ребенку и усадил его опять в угол.

— Ты, черноглазый, — погрозил он ему пальцем, — не падать у меня и не реветь.

Но малыш и не собирался плакать. Он улыбался. Вернулся мальчик и привел с собой девочку лет четырех, должно быть Лидушку. Он усадил ее на диван рядом с Потапом и опять вышел.

Девочка испуганно моргала глазами, которые еле были видны над толстыми щеками.

Дверь опять открылась. Но на этот раз в купе ворвался черный лохматый пес, весь в репьях. Он вскочил на диван, лизнул в нос Потапа, потом Лидушкину правую щеку, обнюхал блестящие сапоги полковника и наконец уселся рядом с детьми.

Это был пудель. Он тяжело дышал, и на всей его лохматой морде розовел высунутый кончик языка. Пудель озабоченно и деятельно заглядывал то в окно, то вытягивал вниз шею и громко тянул воздух из дверной щели.

— Здравствуйте, — приветливо обратился мальчик к полковнику.

Он часто вздыхал, как будто вся тяжесть поездки падала именно на него.

Вернулся и мальчик с пионерским галстуком. Теперь он внес увесистый серый мешок с вещами, и было удивительно, как ловко и без суеты он водворил его наверху в нишу.

Пес стремительно кинулся к мальчику, и в то же самое время в дверях появилась стройная девушка, с открытым лицом, которое даже сквозь утомление освещалось доброй улыбкой, как будто она думала о чем-то очень хорошем.

Ей было лет пятнадцать на вид. Голова ее была не покрыта, и легкое платье из ситца казалось просторным на ее хрупкой фигуре.

«Зиночка», догадался полковник.

Он встал и вежливо поклонился девушке. Вид этой здоровой, согласной семьи острее напомнил полковнику его утрату.

Девушка застенчиво поздоровалась. Ее черные, как у Потапа, глаза устало и немного растерянно оглядели стены купе.

Она села рядом с Лидушкой и взяла на руки Потапа. Ребенок доверчиво положил свою черную кудрявую головку на ее плечо и сбоку, весело улыбаясь, поглядывал на красивые ордена полковника.

— А где же остальные? — спросил полковник, пытаясь не без труда сдержать свою досаду и раздражение. — Мамаша и тетушка со Степаном?

— Мы все здесь, — как-то особенно кротко ответила девушка.

— Ну, а все-таки, где же мама? — спросил полковник, втайне радуясь, что, может быть, и в самом деле дети едут одни. Все-таки меньше народу. Неужели отстали? Или в другом купе?

— Мама — это я, — смущаясь, сказала девушка.

Полковник с большим удивлением посмотрел на нее и помолчал секунду.

— А тетя? — спросил он уже не без любопытства.

— Да это все она же — Зиночка, — раздался сверху, из ниши, голос мальчика.

Он развязывал мешок и доставал оттуда хлеб и чашки, аккуратно завернутые в бумагу.

— Потап ее зовет мамой, Лидушка — тетей, а я — Зиночкой.

— А, вот оно что!

Полковник вздохнул с облегчением.

— Нехватает, выходит, только Степана, — сказал он.

В это время пудель, который до этого деловито и с ожесточением вырывал зубами колючки из длинной шерсти, быстро подбежал к полковнику, сел против него и поднял услужливо свою лохматую морду.

— Погоди, погоди, пес, дойдет очередь и

до тебя, — сказал полковник, лаская его кудрявую, как шапка, голову.

— А Степан рядом с вами, — отозвался мальчик сверху.

Полковник огляделся.

— Где же? Какой я все-таки стал рассеянный!

— Да говорю же, рядом с вами! Пудель наш — он и есть Степан, — сказал весело мальчик.

— Ах, вы, чудаки! — воскликнул полковник и вдруг неожиданно для себя засмеялся добрым смехом. А он давно уже не смеялся.

— А тебя как зовут? — спросил полковник у мальчика.

— Меня просто — Вася.

— Ну, а я Поленов, Иван Федорович Поленов, полковник.

— Видим, что полковник, — не без гордости сказал Вася.

Он наконец устроил наверху все вещи и вытер пот с лица платком, который лежал в боковом кармане его гимнастерки.

Степан улегся на отведенное ему место у самой двери и опять занялся своими колючками.

— Располагайтесь, — сказал полковник, — а я пойду покурю.

И он пошел к проводнику, чтобы все-таки переменить купе.

Когда он вернулся, Зиночка еще не спала. Она сидела у окна. В углу дивана, раскидавшись, безмятежно спал Потап, слышно было его тихое дыхание.

— А где же Вася с Лидушкой, Степан? — спросил полковник.

Вверху, в нише, где обычно лежат вещи, что-то завозилось. Полковник поднял голову и увидел черную морду без глаз. Степан выжидательно посмотрел и, убедившись, что его зря побеспокоили, глубоко вздохнул, совсем как человек, снова улегся и сразу захрапел.

— Там они, наверху, и Вася и Лидушка, — ответила девушка.

На столике горела крошечная лампочка под абажуром.

Полковник попросил разрешения и присел на диван.

Несмотря на присутствие всех этих Степанов, Потапов и Лидушек, а может быть, именно благодаря им в купе была удивительная тишина, так что и полковник все время разговаривал шопотом.

Зиночка вышла. Полковник разделся, лег на свой верхний диван, и странно, в первый раз за долгие и тяжкие месяцы войны он вдруг почувствовал уют семьи и незаметно для себя заснул крепким и даже сладким сном.

II

На другой день полковник проснулся поздно от громкого лая Степана.

Поезд стоял у станции, и Степан увидел из окна на заборе кошку.

Вася унимал Степана, тянул его за ошейник от окна, но Степан вставал на задние лапы, запрокидывал голову и продолжал с негодованием лаять.

— Разбудил вас Степан, — извиняясь, сказала девушка.

— И прекрасно сделал, — ответил полковник, — а то я проспал бы до самого вечера.

Он быстро оглядел детей. Потап и Лидушка сидели в трусиках на диване. Зиночка кормила их по очереди манной кашей, которую Вася получил на станции.

— Мы детей раздели, — продолжала Зиночка, — жарко очень, да и платьев мало.

Потап весело глядел на полковника блестящими темными глазами, а Лидушка, насупясь, пряталась за спину Зиночки.

— Она у нас спуганная, — объяснил Вася.

Он уже забрался наверх и починял крошечный башмачок Потапа.

Полковник опять заметил, как проворно и ловко ходила толстая игла в его умных пальцах.

«Хороший выйдет из него красноармеец», подумал полковник.

Он встал, привел себя в порядок и опять ушел из купе. Вернулся он только вечером. Дети, как и вчера, уже спали, а Зиночка сидела у окна. С лугов опять тянуло сеном, и падали звезды. Полковнику хотелось тоже посидеть одному в тишине. Он подошел к открытому окну.

Но легкие ночные тени, безмолвие полей, сладкий запах травы, торжественное сияние безлунного неба, по которому падали звезды, все обаяние дороги и летней ночи спустилось на душу полковника, и он сам первый заговорил с Зиночкой.

— Сегодня десятое августа, — сказал он. — В эту пору падает много звезд. Народ называет их «слезами святого Лаврентия»... А что же вы не ложитесь?

— Очень сеном пахнет, — сказала Зиночка и вздохнула. — Хорошие были у нас в станице луга!

— Луга везде хороши, — сказал полковник, заметив в голосе Зинаиды печаль, и, чтобы доставить ей радость, весело добавил:

— Вот приедете домой, встретят родные вас. И луга увидите снова.

— Нет, — сказала Зиночка, — нас теперь никто уж больше не встретит.

— Так разве это не ваша семья... — начал было полковник и вдруг остановился. Он помолчал и внимательно посмотрел ей в лицо.

Зиночка медленно покачала головой и по-

том торопливо, точно хотела устранить какую-то неловкость, сказала:

— Мы только сейчас родные, а еще недавно были совсем, совсем чужие.

— Так... — в раздумье сказал полковник и быстро вынул из кармана портсигар. Он уже понял, что эта большая семья, начиная с крошечного Потапа, сейчас мирно спящего на диване, не совсем обычная семья. Как же это случилось?

* * *

Стояло жаркое лето, от нестерпимого зноя трескалась земля. Немцы сбросили на станицу, где жила Зина, бомбы, и станица запылала, как свеча. Но немцам этого было мало. Летая над горящим селом, они расстреливали народ из пулеметов. Погиб отец Зины, старый уже человек, агроном, погибла мать — они были убиты одной бомбой. Зины в ту пору не было дома.

Когда забушевал пожар, она работала на колхозном поле, убирала хлеб. Все бросились с поля в станицу, но даже близко к ней подойти было невозможно. От колхозников она узнала о страшной смерти матери и отца. Целый день Зина бродила вокруг пылающей станицы, а к вечеру упала без сил на землю возле каменной стены колхозного амбара.

Она очнулась утром. Кто-то пытался ее поднять. Зина открыла глаза. Перед ней стоял красноармеец.

— Что вы тут лежите? — говорил он, поднимая ее с земли. — Вы не ранены? Вся станица уже ушла. Идите вон туда.

Он указал ей на проселок, где в облаке черной гари и пыли смутно можно было увидеть обоз, тянувшийся по дороге на восток.

Боец поднял Зину, поставил ее на ноги и как будто даже немного тряхнул и подтолкнул вперед.

И Зина пошла вперед, сама не зная куда, сама не зная зачем.

Облако пыли, черневшее на востоке, все удалялось. Зина шла проселком между буйно зреющими полями, где она еще так недавно гуляла с матерью и отцом. И оттого, что травы и цветы росли, как и прежде, мирно и безмятежно, Зине в полях стало еще безотраднее. Уже давно скрылись телеги и облако горькой пыли растаяло вдалеке, а девушка все шла.

Она остановилась, увидев на дороге спящую женщину. Возле нее тихо сидел ребенок. Зина устало опустилась рядом, закрыла лицо руками и точно провалилась куда-то в бездну.

Ее разбудил плач ребенка. С трудом вспомнив, где она, Зина протянула руку к спящей женщине и тотчас же ее опустила. Женщина была неподвижна.

Чистая звезда загорелась на вечернем небе. С реки понесло влагой. А Зина сидела все в том же положении. Она не оглянулась да-

же и тогда, когда к ней подошел человек. Это был мальчик. Он сел рядом с Зиной. Прошло несколько минут. Ребенок перестал плакать.

— Это что же, ваш братишка, тетя? — спросил мальчик.

— Нет, — отвечала, не глядя на него, Зина.

— А что же вы здесь сидите?

— Скоро пойду, — нехотя отвечала Зина.

— Куда же вы пойдете?

— Не знаю, может быть тут буду сидеть.

— Тут сидеть нельзя, дорогу немцы простреливают, — сказал серьезно мальчик.

— Мне все равно. — Зина медленно поднялась и пошла вперед.

— Тетя, а тетя! — окликнул ее мальчик, когда она прошла несколько шагов.

Зина остановилась.

— Вы, тетя, надеюсь, никогда не были пионервожатой? — спросил мальчик.

— Не была.

— Вот то-то и видно. Как же это вы Потапа-то бросили?

— Какого Потапа?

— Да вот его. — Мальчик показал на ребенка, который уже улыбался.

— А почему ты знаешь, что он Потап? — спросила Зина.

— У нас тоже такой был маленький, веселый и глаза, как смородина, Потапом звали.

Они помолчали.

— А то, может, пойдем ко мне, — предложил мальчик, — у меня и переночуете. А Потапа я все равно возьму и буду нести.

— А где ты живешь? — спросила Зина.

— Да вот за подсолнухами, у речки. Пойдемте!

— Мне все равно, — согласилась Зина. — Пойдем.

Ей все же было очень одиноко и страшно оставаться одной в степи.

— Вот хорошо-то! — сказал мальчик. — Меня Васей зовут, а вас, тетя?

— Меня Зиной.

— Ну что ж, имя красивое, — одобрил Вася. — Пойдем, Потап!

И он легко и ловко поднял его на руки.

— А узелок ты возьми, — сказал он Зине, обращаясь к ней уже на «ты».

Возле женщины валялась разбитая бутылка из-под молока и лежал большой узел в клетчатом платке. Зина взяла узел и молча пошла за Васей через поле подсолнухов.

Они вышли к реке. Там в песчаном откосе чернела вырытая пещерка. Возле нее к колышку были привязаны веревкой, сплетенной из травы, девочка лет четырех и лохматый черный пес. Девочка плакала, а пес восторженно заливался лаем.

— Вот мы и дома, — запыхавшись, сказал Вася, — а это Лидушка и Степан.

— Кто Степан? — удивилась Зина.

— Степан — пудель, мой товарищ, — гордо заявил Вася.

— Это хорошо! — заметила Зина.

— Что хорошо? — в свою очередь удивился Вася.

— Хорошо, что он Степан, все как будто людей больше, а то ведь все умерли, убиты, сгорели.

— Все померли, — тихо повторил Вася, — а живые все равно должны помогать друг другу. Ну, вот что, — сказал он, передавая Зине Потапа, — ты подержи его или положи в блиндажик на траву — там сухо и мягко.

Вася отвязал Лидушку и пса. Пес принялся скакать возле мальчика, потом подбежал, обнюхал Потапа и Зину и наконец угомонился, растянувшись у костра.

Лидушка, прихрамывая, заковыляла в пещерку.

— Ты, Лидушка, достань-ка харч, — сказал Вася.

Лидушка приподняла клок сена возле пещерки и вытащила из-под него завернутую в лопух жареную в золе рыбу и двух крупных неощипанных птиц, похожих на ворон.

— Это грачи, — сказал Вася. — Они сейчас жирные. Я их из лука убил. А картошки в золе у костра. Ты, Зина, их сама разрой, они горячие.

Степан что-то проворчал: он на всякий

случай напомнил о себе, когда заговорили о грачах и картошке.

— Ты, Степан, посиди, мы с тобой после поужинаем. Мне пойти надо. Зиночка, покорми ребят и сама покушай, а ребят уложи спать.

— А ты куда? — забеспокоилась девушка.

— Женщину надо принести, Потапову мамку. Неужто мы ее там на дороге бросим! Сейчас скоро луна поднимется, я мигом обернусь. А потом мы ее тут недалеко под бережком похороним.

— Иди, — сказала девушка и стала разгребать золу.

Потом она накормила детей и Степана и уложила ребят спать в пещерке, покрыв их сначала большим клетчатым платком, поверх которого она наложила пушистого сена.

Уже и луна поднялась высоко, а Васи все не было.

Но вот Степан поднялся и побежал вперед. Стало слышно, как зашуршала трава и близко где-то заскрипел песок. Это полз Вася. На спине у него лежала убитая женщина. Степан попятился от Васи, а Зина поспешила на помощь. Дети поднесли женщину к берегу и положили ее у тихо плескавшейся волны.

— Зиночка, обмой ей руки и лицо, а я под откосом могилу буду копать. Здесь земля рыхлая, копать легко.

Когда могилка была готова, дети осторожно опустили в нее убитую.

— Вот и похоронили ее одну за всех, — сказал Вася: — за Лидушкину маму, за твою, за мою и за Степанову хозяйку.

— Значит, Лидушка тебе тоже не сестра? — тихо спросила Зина.

— Нет, она соседская. И Степана я тоже подобрал у учительницы. Рядом с нами жила. Я раньше все хотел сманить от нее Степана, колбасой его прикармливал, а теперь вот даром достался.

Вася бросил в могилу несколько горстей, а потом стал быстро засыпать неглубокую яму.

— Да, — продолжал он как бы сам с собой, — взял я Степана, как все стали уходить из станицы, и пошел с ним, а Лидушка одна стоит и плачет. У них всю семью засыпало, а ее отрыли, видишь ты, живая осталась, только спуганная и нога на пятке повредилась. Поглядел я на нее и думаю: «Что же это я, Степана беру, а кто же девчонке поможет? Ведь пропадет!» Ну и взял ее да и пошел с ними из станицы. Только мы отстали. Нога у Лидушки разболелась. Да ничего, мы догоним наших в городке, — успокоил он Зину.

А холмик все рос и рос. Ярко и щедро светила луна, и торжественно смотрели с неба высокие звезды.

— А отец твой где? — спросила Зина.

— Убит на фронте. А твой?

— Сгорел в пожаре.

Дети опять помолчали.

— Вот и все! — сказал Вася, убирая могилу у основания крупными камнями. — Теперь надо бы слова сказать, только хорошие слова.

Но он ничего не сказал, а вместо этого поднялся, потом опустился на колени и отдал могиле последний глубокий поклон.

III

Сейчас, рассказывая все это полковнику, Зина плакала.

Полковник встал с дивана и, чтобы скрыть свое волнение, заглянул в окно. В душе у него с прежней силой поднималась ненависть к врагу.

А за окном на землю с неба спускалась тихая ночь и, как слезы, падали звезды.

Застонал во сне Потап. Зиночка, еще вздрагивая, сейчас же встала и взяла на руки ребенка.

Мокрые колечки прилипли у мальчика на лбу, на крохотном носу блестели капельки пота.

— Как такого не пожалеть, — как бы в раздумье сказала Зина, — с ручками, с ножками, на тебя похожего...

— Ну, и что же дальше было? — спросил полковник.

— Мы долго шли степью до нашего районного городка, — продолжала рассказывать Зина. — У Лидушки болела нога. Шли только по зорям. Собирали пшеницу, рыли в полях картошку. Вася ловил рыбу. Хлеба у нас не было. Пройдем немного и опять есть хотим. Близко от дороги стреляли. А Вася все меня успокаивал: «Мне отец писал, что на земле и жить хорошо и умирать не страшно. Ты люби ее, свою землю, она, земля-то, всегда тебе поможет, и от пули и от бомбы спасет, и накормит тебя и напоит». Но мне без Васи было страшно.

Чем ближе мы подходили к городку, тем скучнее становился Вася. Вошли мы в городок. Нехорошо там: тесно, шумно, неуютно. Пошли в РОНО. Вдруг Вася и говорит:

— Ты, Зина, как хочешь, а я в РОНО не пойду. Не могу я бросить Потапа и Лидушку. Скучно мне будет без них. Я и дома-то за хозяина был без отца. Он, когда уходил на войну, сказал: «Ты, Василий, береги семью и государству помогай». А я, видишь, и семью не сберег да еще сам повисну на шее у государства. Нет. Буду в колхозе работать, сам буду кормиться и ребят прокормлю. Вот и будет опять у меня своя семья. А государству подмога.

Остался Вася в городском саду, а я все-

таки пошла в РОНО. Прихожу туда, сижу, жду очереди к заведующей. Долго там сидела. Сижу и все думаю: «У Васи будет своя семья, а я теперь буду одна». И стало мне вдруг так тяжело, так страшно, как будто я осиротела во второй раз.

Дошла моя очередь. Я рассказала все заведующей и попросила ее нам помочь. Выслушала она меня и пообещала отправить в колхоз, к своей сестре, далеко, под Ташкент.

Бегу я обратно от нее в садик и вижу издали: сидит на скамье Вася с Потапом на руках и закрыл глаза, Лидушка притулилась боком к нему, а Степан смотрит на него и лижет ему руку. И так мне стало их жалко, такую я почувствовала нежность к ним и любовь!

— Вася, Вася, — кричу я ему, — я никуда от вас не уйду, мы вместе жить будем.

Он вскочил со скамьи, смотрит на меня, смеется, а глаза у него такие ясные, как эти звезды.

Вот мы и едем бесплатно в таком дорогом вагоне. Только из-за Степана нас не пускали: документы на него мы не выправили, что он здоров и не кусается. Но и это устроилось. Теперь только вам мешаем отдыхать.

Зина положила Потапа на диван и выглянула в окно.

— Заря занимается. Вася в это время бывало уходил рыбу ловить.

IV

Прошло три месяца. Стоял теплый, солнечный, спокойный ноябрь. По широкой дороге меж полей шел полковник со своим сыном Сергеем. По тому, как они уверенно шли, можно было заключить, что дорога эта им хорошо знакома.

Они направлялись к новому глиняному домику, совсем недавно выбеленному, который стоял на самом краю колхоза «Светлый путь», где уже начинались рисовые поля. Этот домик занимали Зиночка и Вася с детьми.

Полковник с сыном бывали здесь каждый день. Они помогли привести домик в порядок и достать необходимые вещи. Зиночка и Вася работали в колхозе, Лидушку с Потапом днем уводили в ясли.

Полковник выздоровел и сейчас шел прощаться с детьми. Он часто поглядывал на сына, который с нетерпением торопил его.

— Ах, папа, как ты медленно ходишь! — говорил мальчик. — Разве во время войны так ходят? Ведь меня Вася ждет, и Лидушка, и Потап, и Зиночка.

Полковник рассмеялся. Он теперь уже нередко смеялся, и душевное горе его становилось все глуше.

Он бывал счастлив, когда смотрел на сына и видел его привязанность к Васе, к Зиночке,

к Потапу, ко всей этой странной, собранной по воле случая семье.

Он и сам привязался к ней всем сердцем. Так не хотелось ни с кем расставаться, даже с собакой Степаном.

Навстречу полковнику выбежали из домика Вася и Зиночка.

Вечерело. Вася развел угли во дворе и поставил на очаг чайник. Зиночка накрывала в комнате на стол.

Все были взволнованы. Это был последний вечер, который они проводили вместе с полковником: на другой день он собирался уезжать на фронт. Все сели за стол.

— Папа, а папа, — сказал отцу Сергей, — ведь ты обещал нам всем что-то сказать. Когда ты скажешь?

Отец встал и, взяв из рук Зины запотевшую крынку с холодным молоком, поставил ее возле Потапа.

— Вот что, Зиночка... — сказал он, как-то необычно замедляя слова.

Сергей выжидательно следил за отцом.

— Уж очень у вас тут хорошо, — продолжал полковник, наливая Потапу молока. — Не возьмете ли вы в свою коммуну еще двоих членов?

Вася поднял голову — он резал хлеб, — в его смышленых глазах забегали веселые огоньки.

Зиночка насторожилась.

— А это девочки или мальчики? — не без испуга спросила она у полковника.

— И не девочки и не мальчики, но, пожалуй, скорее все-таки мальчики.

— А кто же эти двое? — с лукавой улыбкой спросил Вася. Он, должно быть, кое-что уже знал от Сергея.

— Папа, ну, скорей же говори, — торопил отца Сергей.

— Эти двое, — сказал полковник, — мой Сергей да я. И буду я вам всем отцом. Поеду на фронт гнать немцев и счастлив буду, что у меня такая дружная, такая славная, такая большая семья. Как, согласны?

— Согласны, согласны! — закричали Вася и Сергей и бросились обнимать полковника.

Зиночка подошла и протянула руку полковнику.

— И я согласна, — сказала она.

На другой день в Совете рано утром старый человек с очками на лбу записывал новую семью полковника.

— Сергей, Василий, Потап, Зинаида и Лидия, — перечислял он.

Полковник держал на руках Потапа и каждый раз утвердительно кивал головой.

— А Степан, а Степан? — закричала вдруг маленькая Лидушка. — Степана не записали.

Все засмеялись.

И новая семья, большая и счастливая, вышла на залитую солнцем деревенскую улицу.

В. Каверин

СЫН

Памяти Олега Кошевого

Он лежал на полу в темноте и смотрел на полоску света под дверью, за которой ходил, стуча сапогами, насвистывал, пел, выбивал трубку, скучал часовой.

Рука была сломана, распухла — хорошо, что сразу после допроса он скинул пиджак. Пиджак был широкий, отцовский. Он накрылся им, подогнул ноги. Надо думать!

Сегодня было назначено вспомнить и рассказать себе «Тараса Бульбу», но теперь это отодвинулось и стало казаться счастливым и невозможным, потому что сегодня была последняя ночь. Полоска под дверью потемнела — солнце зашло. Вечер. Вскоре она совсем потемнеет, сольется, не станет видна. Ночь. Потом понемногу станет светлеть. Утро. И смерть.

Сегодня нужно было думать о самом главном. Но самое главное было уже позади. Он выдержал, не выдал товарищей. Теперь можно было думать о чем угодно, потому что допросов больше не будет. Будет ночь, потом утро. И смерть.

Он закрыл глаза и как будто нырнул в темноту, на дно этой ночи, от которой никуда не уйти. Желтый солнечный берег реки вспо-

мнился ему. Он, Вася Гребенка и Шура Казанцев ныряли на пари, а потом долго лежали на песке, и почему-то все было смешно — и даже то, что сердце билось так гулко и так больно было вздохнуть. Он всегда нырял с открытыми глазами. Все было зеленовато, шатко под водой, медленно, как бы с важностью покачивались водоросли, щука стояла, уткнувшись носом в корягу, и вдруг, как молния, взвивалась вверх. Это был еще никем не открытый таинственный мир — не здесь, разумеется, а где-нибудь далеко-далеко, в глубинах вод Тихого океана. Года три назад ему попалась книга «Тайны морских глубин», в которой один ученый рассказывал о том, чтó он увидел, спустившись на глубину трех или четырех километров. Светящиеся морские чудовища окружили его подводную камеру, и «нужно было щипнуть себя, — так он писал, — чтобы убедиться, что это не сон».

Ему было пятнадцать лет, когда он прочел эту книгу, и он решил, что станет ученым, открывателем тайн океана. Для этого нужно было многое узнать, понять и запомнить. Нужно было прочитать тысячи книг — и написать одну, в которой будет рассказано о том, что он увидел на глубине не трех, а тринадцати километров где-нибудь у Марианских островов, в бездонной пропасти океана. Ребята говорили, что это невозможно. Но мно-

гое в жизни кажется невозможным, пока не докажут обратное человеческий разум и воля.

Когда немцы вошли в городок, казалось невозможным, что школьники-комсомольцы шестнадцати-семнадцати лет посмеют сделать то, что они сделали наперекор этой разрушительной силе. Но это казалось лишь до тех пор, пока не доказали обратное человеческий разум и воля.

Сестренка шила флаги, которые в ночь на 7 ноября были вывешены на здании больницы, на самом высоком дереве городского парка. Он вспомнил сестренку с ее косичками и ленточками и как быстро она говорила, а по вечерам пела тончайшим голоском длинные заунывные казацкие песни. Когда это было, что он рассердился на нее за то, что она наклеила в свою тетрадочку редкую суданскую марку? В прошлом году. Неужели в прошлом году он еще собирал марки? Слезы подступили к его глазам — так жалко вдруг стало ему этого мальчика, который в прошлом году собирал и менял марки. Как легка, как проста была жизнь! Как просто было, например, называть себя комсомольцем. В седьмом классе все ребята, его сверстники и друзья по пионерским кострам, вступили в комсомол, и он вместе со всеми. Это было так же естественно и обыкновенно, как ездить летом в плавни, на рыбную ловлю или ходить в ки-

но — вообще жить, как жили другие ребята, не думая о том, что ты комсомолец.

— Какие вы комсомольцы! — однажды сказала ему мать. — У комсомольцев должны быть свои идеалы.

Тогда он не понял ее. Идеалы — что за странное, смешное, старинное слово! И вот оказалось, что труднее всего на свете — это иметь идеалы. Оказалось, что быть комсомольцем — это вовсе не значит собирать заметки в школьную газету, разносить повестки, скучать на лекции по «текущему моменту». Оказалось, что это — торжественная клятва на тайном собрании в подвале разбитого дома: «...Если же я нарушу эту священную клятву под пытками или из трусости, то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей».

Оказалось, что это — засада под набережной, когда часами лежишь, прижимаясь к гальке, и вдруг прыжок, удар — и летит в воду тело немецкого офицера. Оказалось, что это — листовки, разбросанные во время киносеанса, самодельный приемник в погребе под кухней, арсенал в разрушенном здании городской бани. Это — молчание, когда мать спрашивает, почему накануне он так поздно вернулся домой. Это — ее беспокойный взгляд, в котором он читает и гордость за сына, и тоску в долгую бессонную ночь, и сердцебие-

— Я здесь, мама!

ние, когда гулкий мерный стук подкованных сапог приближается к дому, и облегченный вздох, когда он удаляется и наконец больше не слышен. Бедная мама!

И вдруг мучительная, смертельная тоска охватила его. Он умрет! Он будет висеть на площади, как кукла, с опущенной, свалившейся набок головой. Не глядя, станут свои торопливо проходить мимо, а немцы спокойно щелкать аппаратами и лаять что-то на своем проклятом языке. Он перевернулся на живот, прихватил зубами здоровую руку.

— Мама, — сказал он шопотом, — где ты? Мне тяжко, помоги мне.

И он увидел ее. Как бы черным туманом разошлись, растаяли стены, и она вошла, прямая, бледная, в знакомом платье, в платке, заколотом на груди медальоном. У нее было строгое лицо, и ему стало страшно, что она не видит его и что сейчас кончится этот сон, это счастье.

— Я здесь, мама!

Она обернулась — и, боже мой, как засияли ее глаза, какой нежностью исполнилось лицо, как задрожали протянутые руки!

— Милый ты мой, да ты ли это?

— Я, мама.

— Что они сделали с тобой!

— Ничего, мама. Посиди со мной. Ведь больше мы не увидимся.

Она присела подле него, взяла за руку.

— Как хорошо, что ты пришла. Мне так хотелось тебя увидеть!

Она поцеловала его руку, потом вынула из-под платка пакетик, и еще прежде, чем она развернула пакетик, он почувствовал вкус хлеба во рту. Но он сейчас же прогнал этот вкус. Сегодня он хотел быть свободным от голода, который мешал ему думать.

— Я хорошо держался? Мне было трудно. Ты помнила обо мне?

— Помнила, милый.

— Ты говорила, что я — отчаянный, потому что мне все интересно. Я был тогда маленьким, а теперь мне кажется, что я старше тебя. Я все узнал — любовь и ненависть, ложь и правду. Я понял, что такое жизнь. Ты живи долго, хорошо, мама?

— Да, милый.

— А мои коньки отдай Петьке Горбунову. И дай слово, что не станешь ходить смотреть на меня. Теперь расскажи мне что-нибудь. Не про то, о чем мы говорили.

Она стала рассказывать, а он слушал и не слушал ее, как в детстве, когда слушаешь, а мысль бродит невесть где. И вдруг станет смешно, как вспомнишь, что днем Лиза Ткачева перевернулась вместе с салазками, да так, что один валенок подскочил и сел на елку, как птица. Слушаешь и не слушаешь — и клонит в сон, и уже все становится малень-

ким, круглым — стол с чашками, самовар и сама мама с ее добрыми двигающимися губами...

— Ты не сердишься на меня? Ты ведь знаешь, я не мог иначе.

— Знаю, милый.

— А смерти я не боюсь, — сказал он твердо, и у него стало биться сердце от радости, от гордости, от того, что это было правдой.— Смерть бывает разная, верно? Бывает низкая, трусливая. А у меня будет честная, как честная была моя жизнь.

И мать встала и низко, до самой земли поклонилась ему.

— Нет для тебя смерти, — сказала она. — Твоя смерть — это жизнь на веки веков.

Он сказал:

— Полно, мама.

Он испугался, что она сейчас уйдет, и начал поскорее говорить о чем-то самом простом, чтобы она снова стала его мамой, а не той прямой, строгой женщиной с темными печальными глазами, которая так низко поклонилась ему. Но она отступила на шаг, поднялась, и он почувствовал, что она где-то над ним, что еще одно движение — и она исчезнет вместе со светом, который раздвинул перед ней тюремные стены.

— Останься, мама.

Он не расслышал, но по движению губ понял ее последние слова и повторил их с недоумением:

— Другие ждут меня.

Он был один в темноте, и полоска под дверью светлела и светлела. Он был один. Кончилось счастье видеть мать и говорить с нею и услышать от нее, что для него нет и не будет смерти. Но ее последние слова остались здесь, с ним, в темноте его последней ночи: «Другие ждут меня». Над кем же еще склонится она в эту ночь, чью руку возьмет в нежные материнские руки?

«Полно, да разве я один достоин этого благословения, этого счастья прощания? — спросил он себя. — Разве не готовы встретить смерть с открытыми глазами товарищи мои, которые так же, как я, перед лицом родной земли дали священную клятву мести и честно сдержали ее? Разве не ждут они, что сама родина придет к ним в этот трудный предутренний час? И она придет, как пришла ко мне, и напутствует их, как меня, последним напутствием чести и славы...»

. . . .

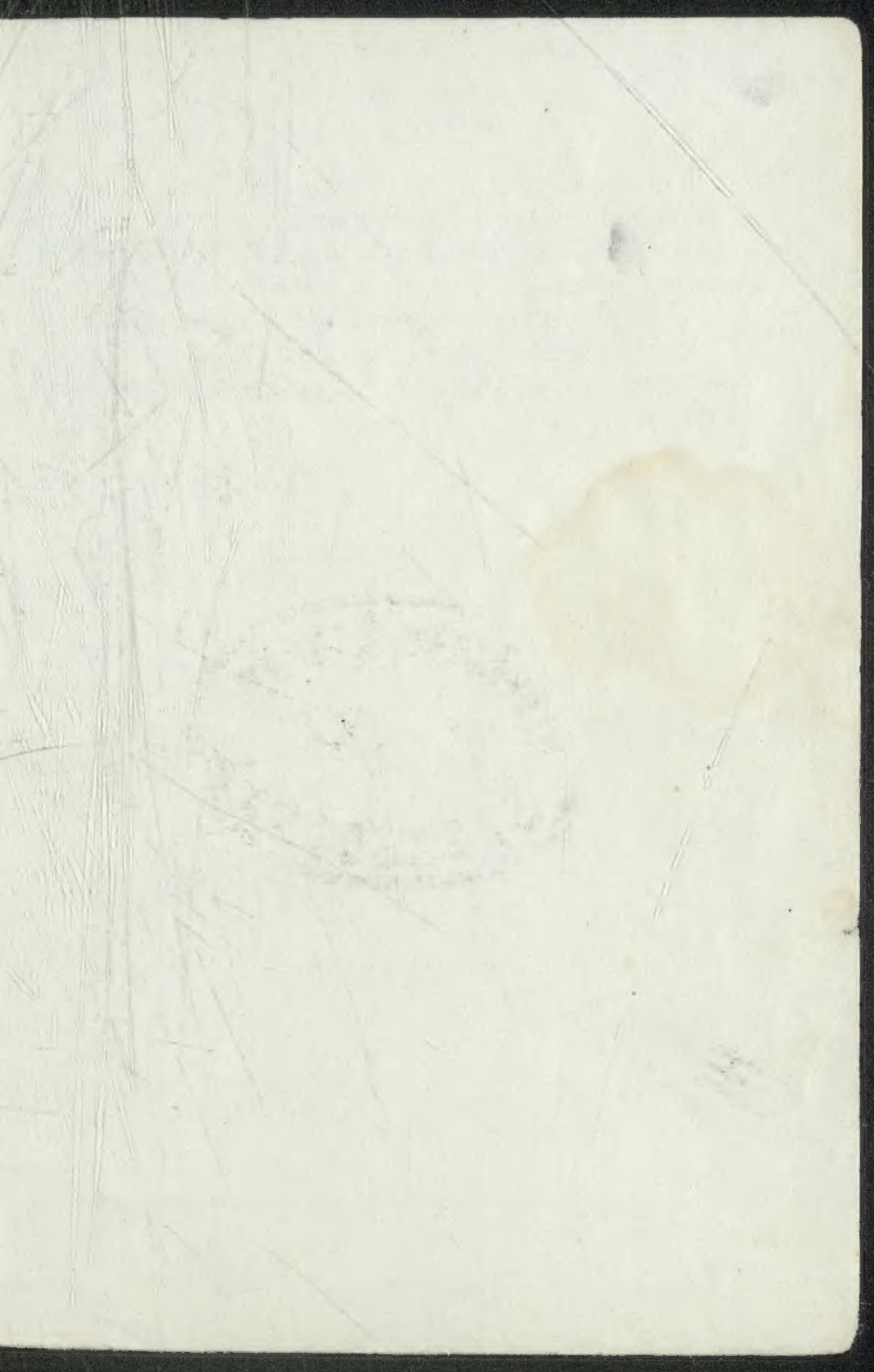
Из газет: «Накануне казни ночью по всем камерам был передан азбукой Морзе последний приказ штаба: «Завтра нас поведут на казнь. Нас поведут по городу. Мы будем петь любимую песню Ленина. Мы умрем, но тенью нашей виселицы немцы не заслонят солнце, которое взойдет над освобожденной русской землей».

Из газет: «Те, кто видел этого мальчика с открытой седой головой, запомнили его навсегда. Лицо его было полно вдохновения, глаза сияли...»

Из дневника германского офицера: «3/I 1943 г. Казнь тринадцати молодых русских. Сегодня я понял, что Германия проиграет войну».

Цена 2 р. 20 к.